

ЖИВЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLIII г.

№ 18

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 5-го мая 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

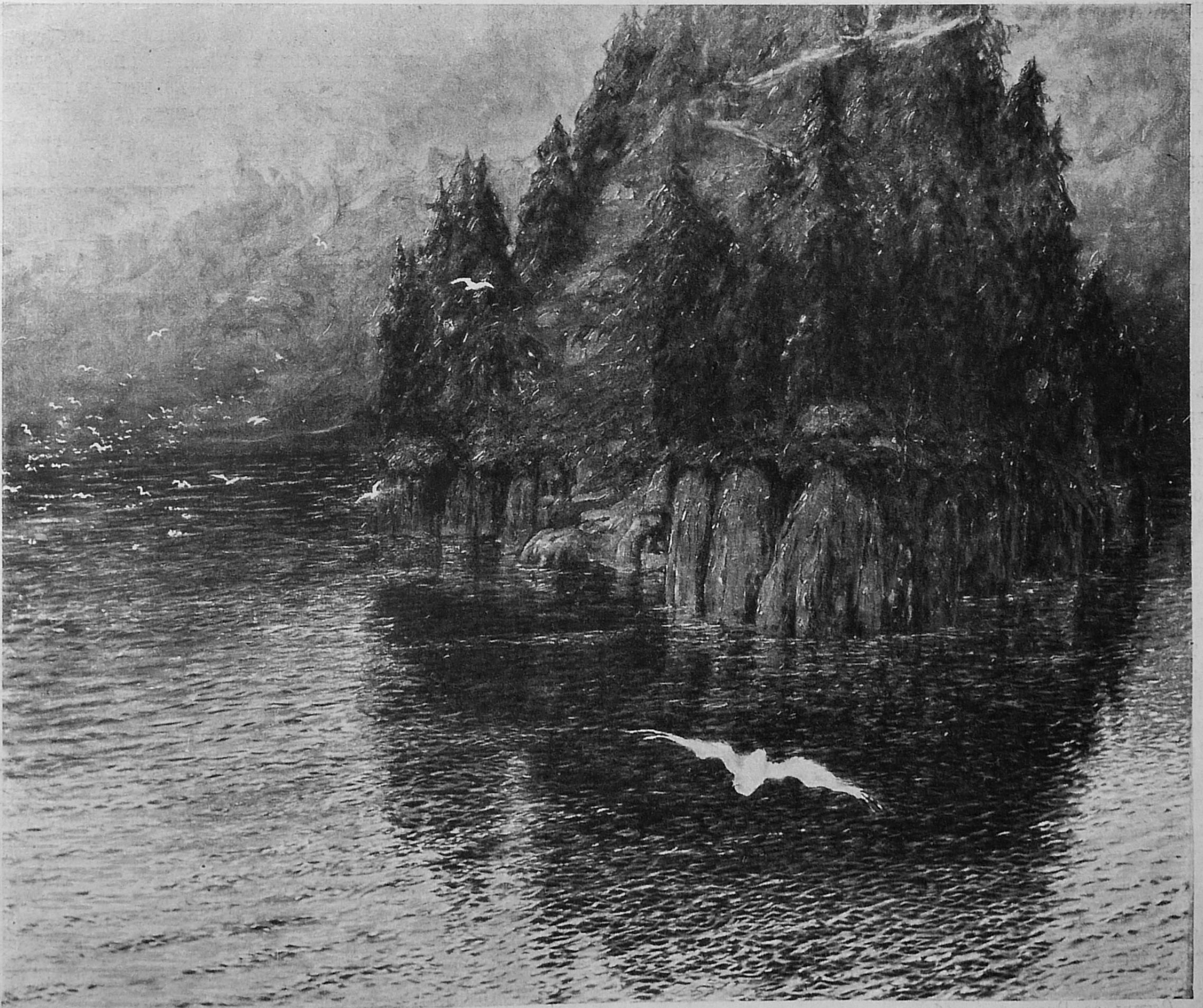
Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

г. XLIII

1912

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложения“ за Май 1912 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Май 1912 г. съ 40 рис. и отдѣльн. листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 10 рис. выжиганія по дереву.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1912 г.

В. Федоровичъ. Жилище грознаго бога.

Весенняя выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Поощрительная премія).

Марго.

Разсказъ Б. П. Никонова.

(Окончаніе).

IV.

Дончикъ претерпѣваетъ неожиданныя превратности судьбы.

Настроение у Дончика было отвратительное. Онъ цѣлый день скитался по городу. Онъ и не предполагалъ, что городъ такъ великъ, и что на улицахъ можетъ быть такъ много опасностей для собаки.

Впопыхахъ кинувшись за извозчикомъ, на которомъ повезли Марго, Дончикъ не обратилъ вниманія на дорогу. И только пробѣжавъ нѣсколько улицъ, онъ опомнился и оглянулся. А извозчикъ уже уѣхалъ, и Марго скрылась неизвѣстно куда.

Дончикъ повелъ носомъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ. Но какъ ни чутокъ былъ его носъ, ему не удалось различить тонкаго запаха Марго среди тысячи другихъ запаховъ—и человѣческихъ, и лошадиныхъ, и собачьихъ. Дончикъ растерялся и сталъ вертѣться на мѣстѣ, тихо повизгивая.

И тутъ-то сразу и обнаружили опасности, которыхъ онъ впопыхахъ не замѣтилъ.

Хорошо быть человѣкомъ. Дончикъ въ первый разъ постигъ сейчасъ эту истину. Къ человѣку на улицѣ не привяжется громадная собака, не станетъ нагло и обидно обнюхивать его со всѣхъ сторонъ на смѣхъ всѣмъ остальнымъ собакамъ на улицѣ. Съ людьми собаки почтительны и по меньшей мѣрѣ осторожны. Со своимъ же братомъ—собаками—онѣ грубы и неприличны. Затѣмъ человѣку гораздо удобнѣе искать дорогу: ему виднѣе и свободнѣе. А собаку сгоняютъ съ тротуара, гдѣ и безъ того не очень-то удобно ориентироваться среди многочисленныхъ мелькающихъ ногъ, на мостовую. А на мостовой только и гляди, чтобы тебя не раздавили экипажи. Наконецъ человѣкъ можетъ подойти къ городскому и спросить, куда итти. А какой толкъ отъ того же городского Дончику?

Дрожа всѣмъ своимъ пушистымъ тѣломъ, Дончикъ бѣжалъ мелкой рысцой то по тротуару, то по мостовой, еле успѣвая отскакивать отъ моторовъ и трамваевъ и отъ страшныхъ большихъ собакъ, которыя всякій разъ останавливали Дончика и нахально требовали объясненія, кто онъ такой. Улицы были безконечны. Дончикъ полагалъ, что стѣдуетъ пробѣжать по нимъ до самаго конца, и его квартира отыщется сама собой, или же можно будетъ напасть на слѣды Марго. Но вотъ онъ бѣжалъ уже нѣсколько часовъ и еще нѣсколько часовъ, и уже наступила ночь—а улицы всѣ тянулись одна за другой, и конца имъ не было.

Нѣсколько разъ Дончику казалось, что онъ нашелъ свое знакомое крыльцо. Но всякій разъ оказывалось, что у ступенекъ не тотъ запахъ. И онъ опять бѣжалъ дальше. А бѣжать становилось все труднѣе. Дончикъ съ трудомъ дышалъ. Даже высунутый языкъ не помогалъ дыханію. А кромѣ того, Дончику ужасно хотѣлось ѣсть, и онъ съ тоской вспоминалъ объ оставленной и недоѣденной дома тюрѣ. Какъ глупо, что онъ не доѣлъ ея. Чтѣ жъ изъ того, что пришла гостья? Какія нелѣпыя церемоніи. Точно нельзя было ѣсть и при ней.

Нѣтъ, такъ нельзя. Дончикъ остановился, прижался къ стѣнѣ и умоляюще взглянулъ на прохожихъ.

Прохожихъ было такъ много. Вообще людей гораздо больше, чѣмъ собакъ, и Дончикъ зналъ это. Но онъ никогда не воображалъ, что людей можетъ быть такъ много. Ихъ ноги мелькаютъ такъ быстро, что кажется, будто вся улица шевелится. А запахи ихъ такъ разнообразны, что бѣдный собачій носъ совершенно не въ состояніи разобраться въ нихъ.

— Мама, это какая собачка?

Дончикъ вздрагиваетъ. Онъ видитъ предъ собой маленькую дѣвочку, похожую на Марго, и сердце его начинаетъ биться быстро, быстро...

— Оставь ее. Это чужая собачка.

И дѣвочка, похожая на Марго, исчезаетъ въ потокѣ безчисленныхъ людей такъ же, какъ исчезла и настоящая Марго.

И вдругъ Дончикъ чувствуетъ, что его схватываетъ чья-то гру-

бая и жесткая рука. Онъ пробуетъ ворчать, пробуетъ укусить эту нахальную руку, но тщетно. Его держать, какъ въ тискахъ, и чей-то грубый голосъ произноситъ:

— Ну, такъ и есть. Безъ значка.

Другой такой же грубый голосъ прибавляетъ:

— Вали ее въ кучу.

И для Дончика свершается нѣчто неопишемое. Его швыряютъ въ какой-то грязный фургоны, въ которомъ уже копошится множество собакъ. Онѣ сидятъ тамъ въ страшной тѣсотѣ—и маленькія и побольше, и съ гладкой шерстью, и курчавыя, и длинноволосыя, какъ Дончикъ.

Дончикъ съ визгомъ падаетъ на нихъ. Собаки такъ удручены своимъ положеніемъ, что даже не накидываются на него и только визжать въ свой чередъ. Онѣ даже не нюхаютъ Дончика. Не до того имъ.

Что-то теперь будетъ? Кто могъ бы сказать это. Фургоны трогается и куда-то ѣдетъ. Отъ страшной тряски нельзя ни сидѣть ни лежать. Собаки толкаютъ другъ друга, падаютъ, поднимаются... Въ фургоны темно и душно... Это настоящій собачій адъ. И конца ему нѣтъ...

Дончика везутъ въ тюрьму. Везутъ съ безпаспортными и бѣглыми собаками, какъ преступника. Его собачье сердце разрывается на части отъ жесточайшей тоски. Чѣмъ онъ провинился? И чтѣ съ нимъ теперь будетъ?

Фургоны грохочетъ по пустыннымъ безконечнымъ улицамъ, уходящимъ въ темную ночь. Иногда онъ останавливается, и тогда на головы безпаспортныхъ собакъ сваливается новая безпаспортная собака. Съ минуту она визжитъ и ворчитъ, а затѣмъ протискивается въ кучу своихъ собратій по несчастью и впадаетъ въ такую же молчаливую и меланхолическую неподвижность, какъ и онѣ. А фургоны грохочетъ дальше, увозя въ бездну ночи непризнанныхъ созданий большого города, которымъ не оказывается законнаго мѣста въ городѣ.

Дончика везутъ въ тюрьму. И никто не знаетъ, и самъ онъ не знаетъ и не подозрѣваетъ, что въ это же время на другой темной и пустынной улицѣ грохочетъ извозчикій экипажъ, и въ немъ везутъ въ тюрьму другое непризнанное созданіе города—маленькую дѣвочку Марго...

И фургоны и извозчикъ исчезаютъ въ ночной темнотѣ, какъ призрачныя видѣнія. Марго уже привезена подѣ стражу и уже спитъ на мягкой и теплой арестантской постели въ дѣтской камерѣ, рядомъ съ тюремнымъ „околоткомъ“, гдѣ стонутъ и бредятъ больные арестанты. Ей хорошо. Гораздо лучше, чѣмъ у Клары, Матильды и Зои и даже чѣмъ у той тетеньки, къ которой ночью приходили страшные полицейскіе. Здѣсь ужъ никто не побеспокоитъ измученную дѣвочку.

Привезенъ подѣ стражу и Дончикъ. У него тюрьма совсѣмъ другая—гораздо хуже, чѣмъ у Марго: это—простая клѣтка съ крѣпкими желѣзными прутьями. Туда, въ эту клѣтку сейчасъ посадятъ всѣхъ безпаспортныхъ собакъ, а чтѣ съ ними будетъ дальше—неизвѣстно...

Собакъ хватаютъ за шиворотъ и швыряютъ на грязный полъ. Хватаютъ и Дончика. Онъ оглушенъ и ослѣпленъ: въ глаза ему бросается рѣзкій свѣтъ фонаря. Фонарь покачивается въ рукахъ у здоровеннаго верзильщика въ тулупѣ и лохматой шапкѣ. Верзильщикъ съ большимъ интересомъ разсматриваетъ собакъ и даже разговариваетъ съ ними.

— Ну, вотъ, теперь васъ, собачекъ, мы и запремъ. Сидите, посиживайте, а тамъ чтѣ Богъ дастъ. Кого къ чему присудятъ. И зряшныя же вы собаки, какъ я погляжу, пустой вы народъ. Бѣгаете по городу безъ толку. Чтѣ бы вамъ собраться обществомъ, да побѣжать бы за городъ, да изловить бы какую-нибудь звѣрюгу. Какъ бы хорошо-то было.

Верзильщикъ обратилъ вниманіе и на Дончика.

— Гаврила Иванычъ,—обратился онъ къ фургоныщику, который вышвыривалъ собакъ изъ фургона:—смотрите-ка, какая собачка! Занятная.

Онъ схватилъ дрожавшаго Дончика и поднесъ его почти къ самому фонарю.

— Эге, — продолжалъ онъ: — вы, Гаврила Иванычъ, устите-ка мнѣ эту собачку. Ужъ оченно подь объявленіе подходитъ.

— Подь какое объявленіе? — равнодушно спросилъ фургонщикъ.

— Подь публикацію, — объяснилъ парень. — Сказано, что разыскивается собачка, которая въ бѣгахъ. Волоса густые, длинные, ростомъ невелика, коричневой масти. Какъ есть энта самая. Вознагражденіе пять цѣлковыхъ. Я ее у себя ночевать положу, Гаврила Иванычъ, а завтра снесу.

— Ты, стало-быть, за публикаціями глядишь? Ловкій парень. Своего не упускаешь.

— Какъ же можно? — возразилъ верзила. — Я состою аккуратъ энтото. Ужъ дозвольте собачку-то, Гаврила Иванычъ.

— Да мнѣ чтò жъ, бери, коли охота.

Какая участь постигла остальныхъ безпаспортныхъ собакъ, Дончику осталось неизвѣстнымъ. Разговорчивый парень взялъ его къ себѣ въ каморку, накормилъ кашей и ткнулъ Дончика въ уголь, на рогожу. Отъ рогожи сильно пахло татарами, но Дончикъ уже не сталъ разбирать, чѣмъ пахнетъ. Усталость одолевала его, и онъ мгновенно заснулъ на своей пахучей, но мягкой подстилкѣ.

На слѣдующій день парень посадилъ его къ себѣ за пазуху и куда-то понесъ. Дончику было крайне неудобно: его отчаянно кусали блохи, которыхъ у парня было видимо-невидимо, а почесаться было нельзя. Да и вообще чтò за удовольствіе сидѣть за пазухой? Это хорошо для младенцевъ, но ужъ никакъ не для взрослыхъ собакъ...

Парень поднялся по лѣстницѣ и остановился передъ шикарной дверью съ мѣдной дощечкой.

— „Присяжный повѣренный, — читалъ онъ по складамъ. — Членъ общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія“.

— Во-во, энтò самое, — произнесъ онъ довольнымъ тономъ. — Сиди смирно, песъ, сейчасъ тебя представимъ къ жестокому обращенію.

Онъ позвонилъ.

Дверь открыла горничная и напустилась на парня:

— Ты чего съ парадной звонишься? Пошелъ съ чернаго хода!

— Я собачку принесъ, — объяснилъ парень, дѣлая радостное и умиленное лицо. — Ваша самая, которая потерявши.

— И вовсе не наша! — воскликнула горничная.

Но парень не смутился.

— Вполюѣ ваша самая, — повторилъ онъ умиленнымъ голосомъ: — извольте поглядѣть: все примѣты сходствуютъ. Точка въ точку. Скажите господамъ, что пришелъ, молъ, парень, который насчетъ собачки ихней.

Горничная посомнѣвалась, но все-таки парня впустила и доложила барынѣ. Дончика спустили на полъ, и онъ напряженно обнюхивалъ полъ, ножки стульевъ и стоявшія у вѣшалки калоши. Пахло чѣмъ-то знакомымъ, но чѣмъ именно — онъ еще не могъ рѣшить, потому что запахъ былъ слишкомъ слабъ и неуловимъ.

Вошла барыня.

— Но это не наша собака! — воскликнула она. — Пойдите, я погляжу. Конечно, не наша. Но какая славная собачка. Право, прелесть. Поди сюда, цуцыкъ; у-у, славный.

Дончикъ лизнулъ протянутую къ нему руку.

— Сколько вы хотите за собаку? — спросила барыня. — Я беру ее...

И вотъ Дончикъ водворенъ въ новомъ жильѣ и у новыхъ хозяевъ. Но ему некогда осматриваться и изучать обстановку и людей. Его волнуетъ странный знакомый запахъ. Въ другой комнатѣ запахъ еще сильнѣе. Нервно поводя носомъ и всей головой то вправо, то влево, спотыкаясь и разыскивая извилистую нить запаха, Дончикъ добрается еще до слѣдующей комнаты.

И представьте его восторгъ: онъ видитъ тамъ Марго.

Она въ какомъ-то особенномъ, незнакомомъ Дончику, платьѣ. Она какая-то необыкновенная, чистая, приглаженная, бѣленькая, — но тѣмъ не менѣе это явная и несомнѣнная Марго.

Дончикъ внѣ себя кидается къ ней и твкаетъ и прыгаетъ, забывъ все на свѣтѣ. Марго не умѣетъ и не можетъ такъ прыгать: у нея слишкомъ слабы и тонки ноги... Маленькая, слабенькая,

какъ тѣнь тростинки, Марго только сіяетъ вся радостью и тоненькимъ, тихимъ голоскомъ повторяетъ:

— Здравствуй, Дончикъ!

V.

„Les trois Рабекъ“ въ новой роли.

Тамъ же, гдѣ тюрьма, совсѣмъ недалеко отъ нея, возвышается среди темныхъ городскихъ зданій высокое и мрачное зданіе суда.

Каждый день внутри этого зданія, въ темныхъ коридорахъ и залахъ, собираются сотни людей; одни изъ нихъ приходятъ сами, другихъ приводятъ... Эти люди — тоже призраки, порожденные городской фата-морганою. Они — бредъ и кошмаръ городской жизни, потому что ихъ позвало сюда или несчастье, или преступленіе. Въ ненастный зимній день хмурый городъ дремлетъ и видитъ ихъ во снѣ. Ему представляются тогда мрачныя запыленные залы, красное сукно судейскаго стола, жесткія скамейки, какъ бы созданныя для того, чтобы причинять сидящимъ на нихъ мученіе и ощущеніе наказанія, и сидящія на этихъ скамейкахъ темныя фигуры молчаливыхъ призраковъ... И сонный кошмаръ этотъ тянется цѣлый день, и только поздней ночью, когда къ утомившимся людямъ слетаются настоящіе сны, зданіе суда погружается въ полный мракъ, и люди-призраки исчезаютъ до слѣдующаго соннаго и кошмарнаго дня...

Если мы заглянемъ въ судъ сегодня, то среди темныхъ фигуръ собравшихся тамъ призраковъ встрѣтимъ знакомыхъ лицъ.

Вотъ тотъ адвокатъ, къ которому попала изъ своего неожиданнаго тюремнаго заключенія Марго. Марго уже третій мѣсяць живетъ у него въ домѣ и считается членомъ его семьи... Вотъ Аннушка, — та самая Аннушка, которая нѣкогда (впрочемъ, такъ еще недавно) кормила Марго и Дончика тюрьей... Вотъ и та чужая тетенька, которая взяла къ себѣ Марго отъ тетеньки Клары Ивановны. Она сидитъ сейчасъ рядомъ съ солдатомъ: она подь стражей, и ее привели сюда изъ тюрьмы для того, чтобы она дала показаніе въ качествѣ свидѣтельницы, а затѣмъ ее снова уведутъ съ солдатомъ въ тюрьму.

А вотъ наконецъ и „Les trois Рабекъ“ — тетеньки Клара, Матильда и Зоя...

„Les trois Рабекъ“ сегодня совершенно въ новой роли: онѣ еще ни разу въ жизни не появлялись въ такой обстановкѣ и предъ такой публикой, какъ здѣсь. Невольно думается, что онѣ и здѣсь на гастроляхъ, какъ въ Вильнѣ, и что сію минуту выступятъ предъ публикой со своимъ обычнымъ, прославившимъ ихъ, „номеромъ“... Онѣ въ великолѣпныхъ шляпахъ, въ дорогихъ манти, съ пушистыми и похожими на Дончика муфтами... Окружающіе ихъ тусклые люди-призраки съ удивленіемъ осматриваютъ „Les trois Рабекъ“ съ ногъ до головы, и имъ кажется, что сію минуту заиграетъ музыка, и три граціи возьмутся за руки и начнутъ откалывать свой разухабистый танецъ.

Но нѣтъ. „Les trois Рабекъ“ явились сюда не для танцевъ.

Онѣ, правда, выступятъ сейчасъ предъ публикой, и роль, въ которой онѣ выступаютъ, очень интересна и нова, но это не танцы и не пѣніе. Это скорѣе торжественное шествіе и медлительная декламация.

„Les trois Рабекъ“ никогда не расстаются другъ съ другомъ... Не расстаются онѣ и теперь, хотя первымъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ новомъ для нихъ спектаклѣ является, собственно говоря, одна только Клара Ивановна Рабекъ. Остальныя же госпожи Рабекъ приглашены сюда лишь въ качествѣ вспомогательныхъ персонажей.

Клара Ивановна Рабекъ величественно молчитъ и ждетъ, когда председательствующій провозгласитъ „ея дѣло“. Перья на ея шляпкѣ чуть-чуть колышутся, словно вспоминаютъ и грезятъ о той безумной пляскѣ, въ которой они метались наканунѣ вечеромъ въ „Казино“. Ихъ колыханье — мертвая зыбь, все еще не могущая успокоиться послѣ той бури бѣшенаго скаканія среди потоковъ электрическаго свѣта, мишуры костюмовъ, оголенныхъ плечъ и рукъ и нечистыхъ испареній похотливой и полущьяной толпы...

Клара Ивановна Рабекъ ожидаетъ провозглашенія ея дѣла. Не думайте, что дѣло Клары Ивановны заключается только въ вскидываніи ногъ выше головы. У нея есть дѣло и здѣсь, въ

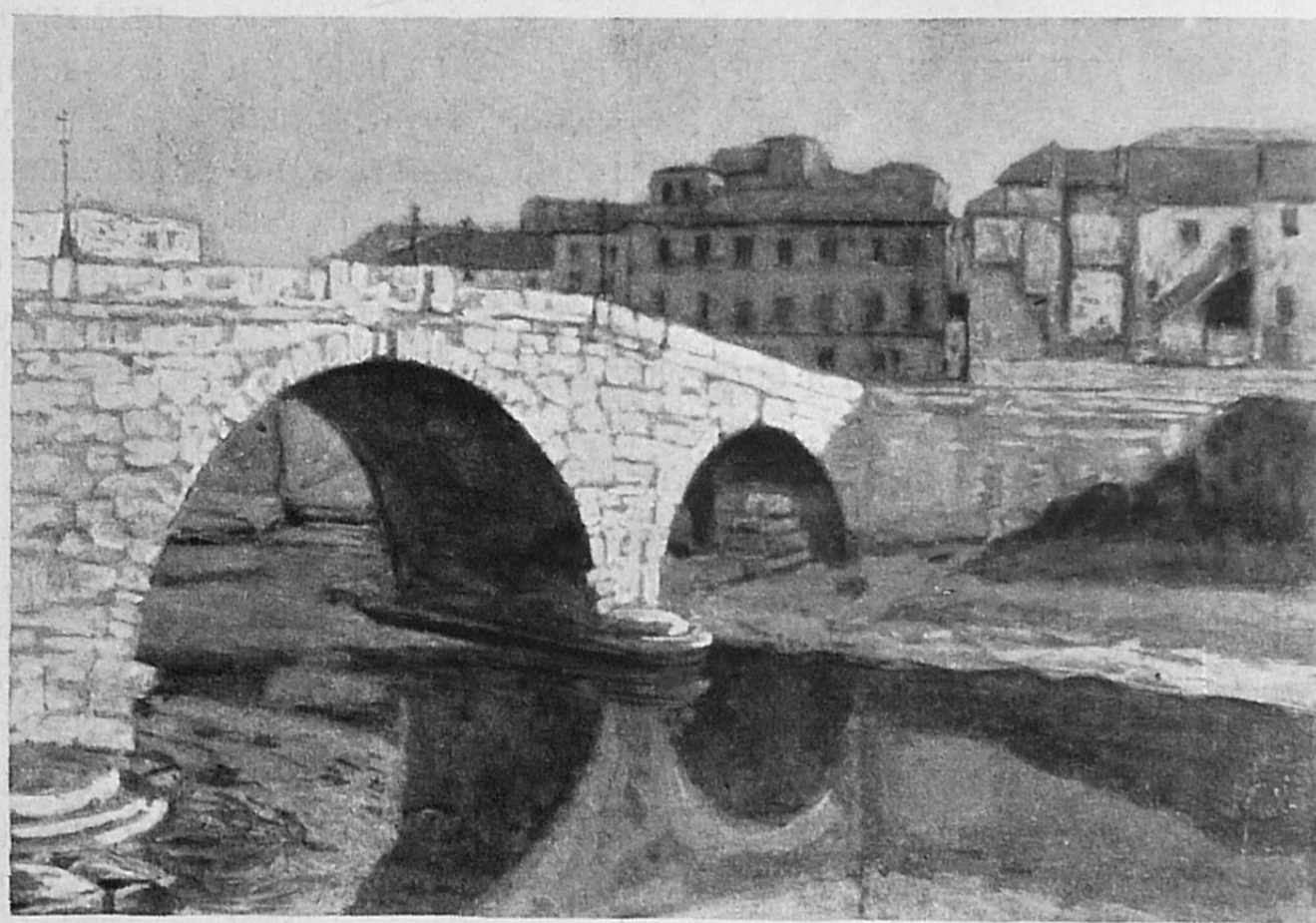
ВЕСЕННЯЯ
 ВЫСТАВКА КАРТИНЪ
 И
 ИМПЕРАТОРСКОЙ
 Академии Художествъ
 1912 г.

И. Дроздовъ. Этюдъ. (7-ая премія).

Е. Чепцовъ. Портретъ артиста Н. Мартыненко.
 (Поощр. премія).

М. Демьяновъ. Гешта (Римъ). (Поощр. премія).

С. Дудинъ. Въ купальнѣ. (8-ая премія).

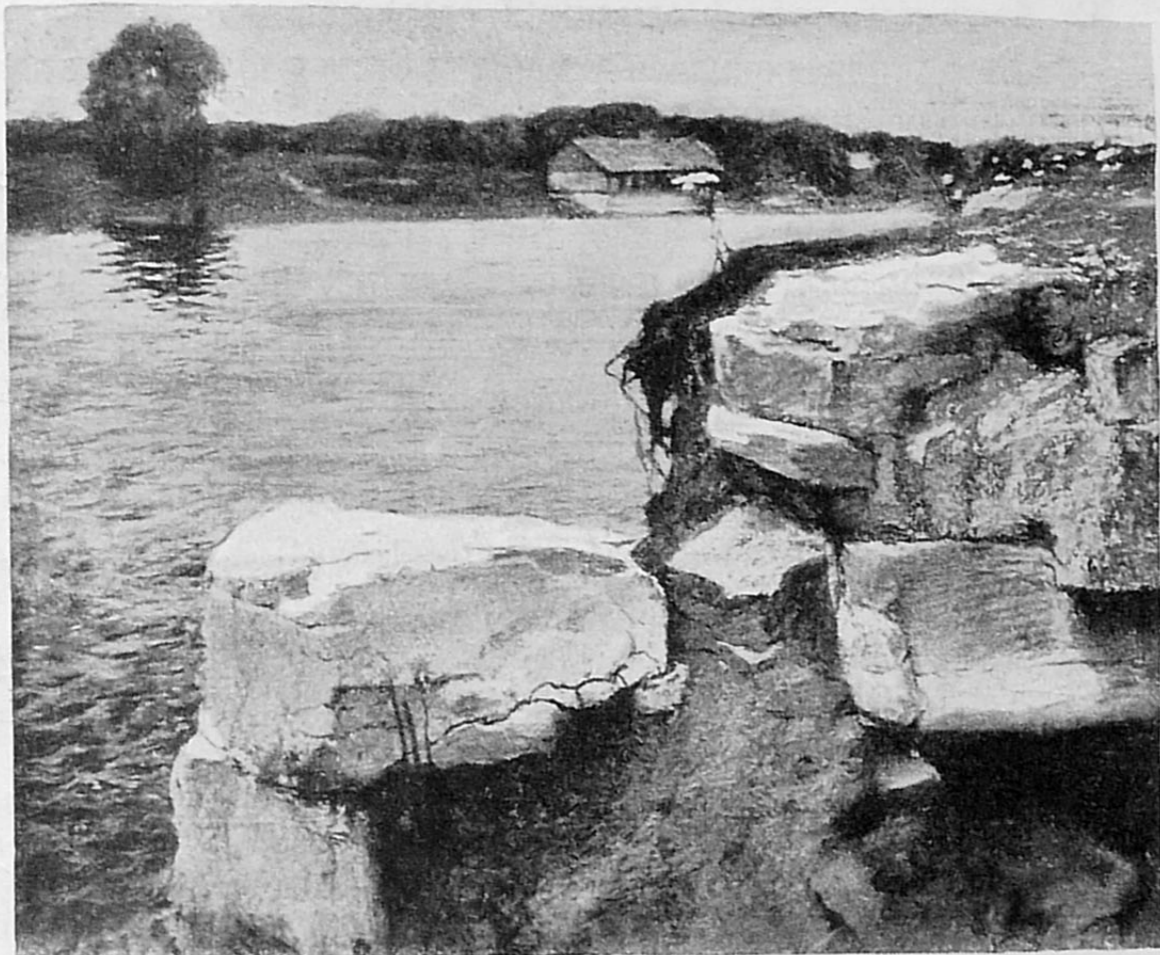
А. Любимовъ. Портретъ худож. Г. Горѣлова.
 (13-ая премія.)

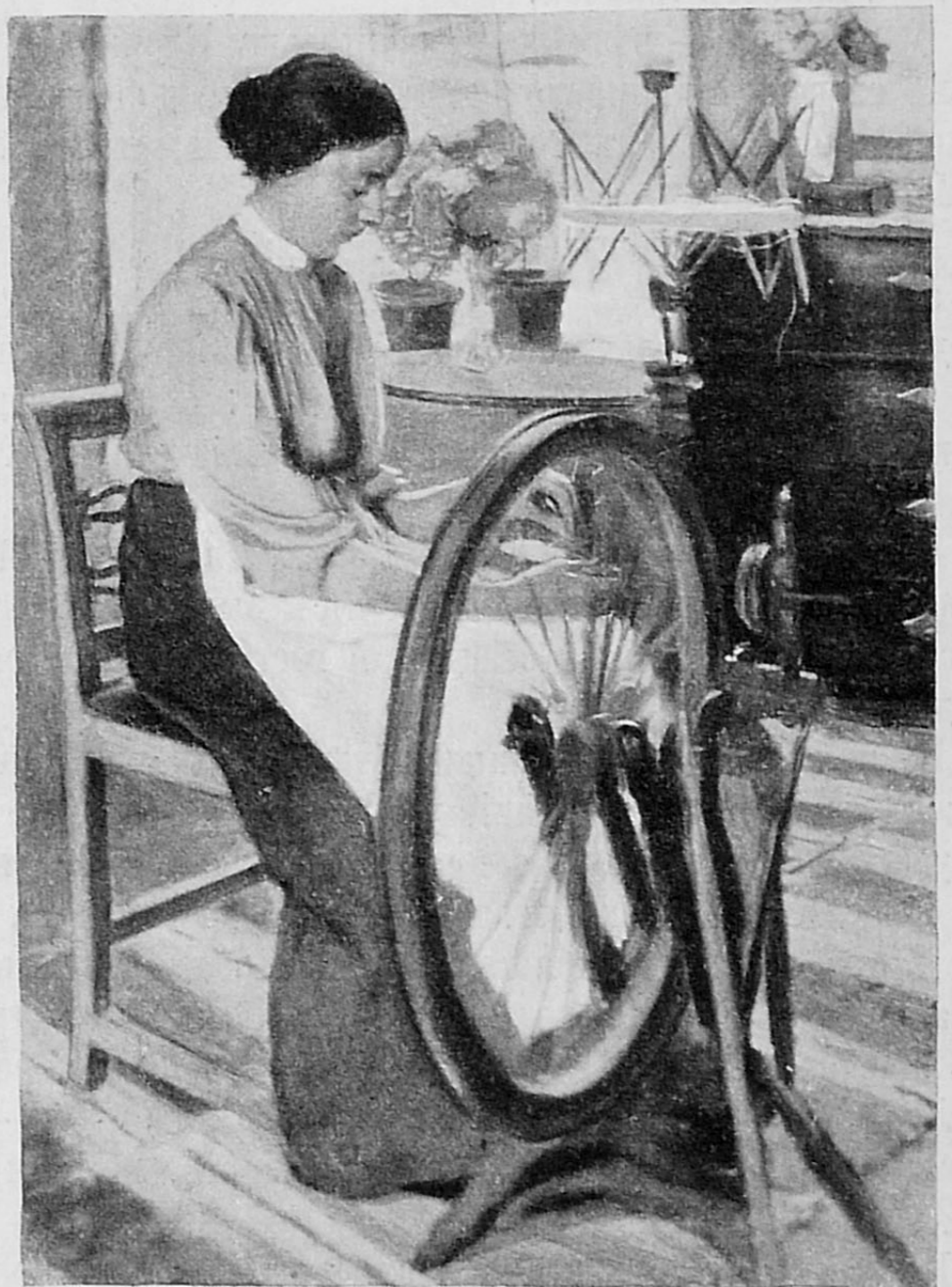
С. Тепляковъ. Портретъ матери. (10-ая премія).

А. Лаховскій. Колоннада Дожей. (Поощр. премія).

А. Петровъ. Развалины городской стѣны надъ рѣкой Псковой. (Поощр. премія).

Э. Баклундъ. За работой. (11-ая премія).

С. Слободянюкъ-Подолякъ. Женская головка. (Поощр. премія).

Н. Шестопаповъ. Рыбачьи суда. (Поощр. премія).

темномъ и торжественно-мрачномъ судѣ. Клара Ивановна хочетъ отобрать по суду свою Марго отъ пріотившаго ее присяжнаго повѣреннаго Тарасова, члена общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія.

— Госпожа Рабекъ, — провозглашаетъ председатель: — вы предъявили къ Тарасову искъ объ отобраніи ребенка.

Сестры Рабекъ — прелестныя „Les trois Рабекъ“ — поспѣшно срываются съ мѣсть и всѣ вмѣстѣ подходятъ къ судейскому столу.

Но такъ какъ имъ нѣтъ никакой необходимости протанцовать предъ судомъ ихъ знаменитый „номеръ“, то прелестное тріо разлучаются: въ залѣ оставляютъ только одну Клару Ивановну, а Матильду и Зою удаляютъ. И шелковыя платья отвергнутыхъ сестеръ сердито и вызывающе шумятъ, когда сестры выходятъ въ коридоръ вмѣстѣ съ другими свидѣтелями и свидѣтельницами, для которыхъ еще не пришелъ чередъ выступить предъ судомъ.

— Противная сторона утверждаетъ, что ребенокъ не вашъ, — обращается къ Кларѣ Ивановнѣ председатель.

Присяжный повѣренный, защищающій дѣтей отъ жестокаго обращенія, киваетъ головой.

— Позвольте, — возмущается тетенька Клара Ивановна, и перья на ея шляпѣ начинаютъ танцовать гораздо оживленнѣе: — съ какой-то стати онъ это говоритъ, когда я мать моей дочери, моей Марго?..

— Мать этой дѣвочки совершенно другое лицо, — возражаетъ адвокатъ.

Предъ судомъ появляется свидѣтельница. Это Аннушка. Она теперь уже не живетъ у „Les trois Рабекъ“: онѣ прогнали ее, и Аннушка, вѣроятно, поэтому не можетъ отзываться о нихъ иначе, какъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ:

— Придетъ это къ нимъ гость, Клара Ивановна сейчасъ же прикажутъ дѣвочку помыть и причесать и выносятъ ее къ гостю: „Это ваше дитя. Вы ейный отецъ“. А гость, конечно, ей на ребенка денегъ даетъ...

— Ну, такъ чтѣ жъ, — внезапно обижается Клара Ивановна: — и долженъ давать на пропитаніе ребенка...

Аннушка съ невыразимымъ презрѣніемъ взглядываетъ на нее.

— А послѣ того приходитъ гость къ Зоѣ Ивановнѣ, — продолжаетъ она, ехидно улыбаясь: — и опять дѣвочку выводятъ: „Это ваша дочь. Вы ее породили. Вы ейный отецъ. Потрудитесь выдать пособіе“. И Зоя Ивановна получаетъ пособіе на ребенка...

— Ложь, ложь и ложь, — сердится Клара Ивановна. — Какъ же можетъ Зоя Ивановна быть матерью Марго, когда я мать, а не она?..

— Потомъ и къ Матильдѣ Ивановнѣ приходитъ мужчина: „Это ваша дочка, и вы ейный папаша. Пожалуйста на содержаніе. Мнѣ трудно съ ребенкомъ и безъ всякой отъ васъ помощи“. Ну, и Матильда Ивановна получаетъ пособіе...

— И много было такихъ гостей?

— Не мало.

— И много платили?

— Кто жъ ихъ знаетъ, — я не считала... А только и сами давали и посылали. Когда по почтѣ деньги приходили, когда посылный приносилъ.

— А какъ обращались съ дѣвочкой? — спрашиваетъ присяжный повѣренный.

Клара Ивановна требуетъ, чтобы судъ допросилъ ее сестеръ, и онѣ объясняютъ, какъ обращались съ Марго.

Шелковыя платья снова шелестятъ въ залѣ, подплываютъ къ судейскому возвышенію — и начинается турниръ между ними и Аннушкой... „Les trois Рабекъ“ теперь вполне вошли въ свою новую роль, и роль эта роковымъ образомъ походитъ на ихъ первую и главную роль.

Ихъ показанія — такой же залихватскій и непристойный танецъ, какъ и тотъ, который онѣ „исполняютъ“ въ „Казино“ и „Альгамбрѣ“: такая же циническая и безстыдная пляска лжи и нахальства.

— Дѣвочку держали, какъ собаку, — вѣско, въ упоръ имъ утверждаетъ Аннушка.

— Нѣтъ, дѣвочку чудно кормили, прелестно одѣвали... — взлетаютъ выше судейскихъ головъ слова лжи и обмана. — Дѣвочку любили, цѣловали, ласкали... Ей постоянно приносили конфеты...

Ее ежедневно купали въ ваннѣ съ одеколономъ... Ее учили говорить по-французски... Ее хотѣли отдать въ хорошій пансіонъ.

— Довольно, — говоритъ, морщась, судья, — и танецъ прекращается. „Les trois Рабекъ“ могутъ уйти за кулисы и отдохнуть. Но, увы, аплодисментовъ здѣсь онѣ уже не услышатъ...

— Но кто же мать этой дѣвочки?

— Я ея мать...

Кто произнесъ это слово?

Оно прорѣзало спертый воздухъ судебной залы, какъ дуновение рѣзкаго, ошеломляющаго вѣтра. Это слово приноситъ съ собой, кромѣ того, и свѣтъ: въ залѣ стало свѣтлѣе. Изъ чьихъ бы устъ оно ни изошло, — пусть это будутъ даже преступныя уста, — но если оно сказано настоящей матерью, оно освящаетъ и тьму, и грѣхъ, и нечистоту...

— Я ея мать, — говоритъ чужая тетенька, пріотившая у себя Марго и попавшая вмѣстѣ съ нею въ тюрьму.

— Вы акушерка Агнія Петровна Перевалова? — спрашиваетъ ее председатель.

И глухой басистый голосъ, какъ-будто принадлежащій какому-то совсѣмъ другому, спрятавшемуся гдѣ-то здѣсь, существу, отвѣчаетъ:

— Да, я акушерка... Перевалова.

— Марго ваша дочь? Марго — это, ея имя?

— Да, она моя дочь, но это не ея имя... У нея нѣтъ имени. Она некрещеная... Это у нея не имя, а собачья кличка.

Въ басистомъ голосѣ слышится сдерживаемое рыданіе.

— Когда она родилась у меня, я была въ такомъ состояніи, что не знала, куда мнѣ съ нею дѣваться... Бываютъ такія ненужныя, лишнія дѣти... Другія въ такомъ положеніи убиваютъ дѣтей... Я ожидала отъ жизни чего угодно, какихъ угодно напастей и неприятностей, но я не ожидала ребенка. Я была неудачница и въ своемъ ремеслѣ и въ жизни. У меня не было ни практики ни иного способа заработать честнымъ путемъ деньги... И тутъ вдругъ еще этотъ ребенокъ...

— И вы отдали его этой госпожѣ Рабекъ?

— Нѣтъ, я не отдала... Я продала его...

Въ залѣ наступило молчаніе.

— Да, я продала его за двадцать-пять рублей, — повторила своимъ рыдающимъ голосомъ свидѣтельница. — Одинъ Богъ знаетъ, какъ я нуждалась тогда въ деньгахъ...

Въ залѣ, окутанной ступившимися сумерками, опять воцарилось тяжелое молчаніе.

— Скажите, свидѣтельница, — тихо спросилъ председательствующій: — вы находитесь подъ стражей? По какому дѣлу?

Въ залѣ нѣсколько секундъ слышится тяжелое дыханье и всхлипыванье, и потомъ задыхающійся глухой голосъ продолжаетъ:

— Это дѣло не имѣетъ никакого касательства къ тому, чтѣ я сказала... Меня арестовала полиція за то, что я... я оказывала разныя услуги... незаконныя... разнымъ женщинамъ... Дѣвочка, это — совсѣмъ другое... Меня нужно судить за нее въ тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ за *это*... Вѣдь и *это* началось съ того времени, какъ я... продала своего ребенка этой женщинѣ. Г-жа Рабекъ познакомила меня съ нѣкоторыми особами изъ ея общества, которымъ требовалось перестать быть матерями... И я стала помогать женщинамъ перестать быть матерями... Я сама отшвырнула отъ себя своего ребенка и помогала другимъ дѣлать то же... Все свое знаніе, всю свою науку я употребляла для этого. Этимъ я и жила. Этимъ я зарабатывала хорошія деньги... А дочь моя въ это время заживо гнила у этихъ мерзавокъ.

Въ залѣ всхликаетъ крикъ. Раздаются негодующіе возгласы. Перья на шляпахъ у „Les trois Рабекъ“ начинаютъ свою неистовую ночную пляску. Председатель съ трудомъ водворяетъ спокойствіе.

— Вы знали, зачѣмъ понадобился г-жѣ Рабекъ вашъ ребенокъ?

— Я не интересовалась этимъ. Мнѣ это было все равно...

— А знали вы, въ какомъ состояніи находитесь у Рабекъ ваша дочь?

— Я и этимъ не интересовалась... Да я просто позабыла о ней... не думала о ней... Я уже года четыре не видалась съ Рабекъ и даже не знала, гдѣ она... Я жила въ одномъ городѣ, почти на одной улицѣ съ моимъ собственнымъ ребенкомъ, и не знала, что у меня есть ребенокъ... А когда этотъ ребенокъ нашелся,

мнѣ отдали его на поддержаніе, какъ мебель... и я не знала—и я и теперь не знаю—мой онъ или чужой... Вѣдь я продала его... Прдала свое дитя за тридцать сребренниковъ... Гуда повѣсилъ, господа судьи, послѣ такой продажи, а я ничего... Я стала жить да поживать...

Агнія Петровна Перевалова плачетъ и не можетъ больше сказать ни слова. Да это уже и ненужно. Она—мать, и этимъ все сказано. Судить же ее будетъ другой судъ: за „противозаконныя услуги“,—судъ уголовный, а за Марго—судъ вѣчной и великой Истины, который, быть-можетъ, уже судилъ и уже оправдалъ ее...

Засѣданіе кончено. Конченъ спектакль съ участіемъ блестящаго тріо. „Европейски-извѣстный“ и „неслыханный“ „аттракціонъ“ удаляется изъ этого царства жуткихъ призраковъ и суроваго правосудія въ свое царство—пудры, притираний, раскиданныхъ по полу корсетовъ, вѣровъ и картонокъ съ шляпами. Шелковыя платья негодующе шуршатъ: Клара Ивановна Рабекъ проиграла свое дѣло... „Les trois Рабекъ“ потерпѣли фіаско въ своей новой роли...

Вечерняя мгла окутываетъ холодное и суровое зданіе суда. Темныя стѣны вырастаютъ во тьмѣ и уходятъ куда-то вверхъ. Населяющіе его призраки безконечной вереницей выходятъ изъ-подъ воротъ и спѣшатъ въ свои жилища, гдѣ свѣтло и тепло и уютно, гдѣ играютъ за вечернимъ столомъ дѣти, и гдѣ они могутъ снова стать настоящими людьми, а не призраками, приснившимися большому городу въ тяжеломъ кошмарѣ.

VI.

Подъ звонъ рождественскихъ колоколовъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ той поры, какъ Марго была водворена у адвоката, защищающаго дѣтей отъ жестокаго обращенія. Марго теперь считается своимъ человѣкомъ въ его семьѣ. Ее любятъ здѣсь, какъ и остальныхъ дѣтей, за нею ухаживаютъ, какъ за маленькой принцессой. У Марго прелестныя платьица, ажурныя бѣлыя чулочки, бѣлая пушистая шубка. Никто во всемъ домѣ не сказалъ ей еще ни разу ни одного суроваго слова. Всѣ только ласкаютъ ее. И говорятъ ей, что теперь ее уже не отдадутъ отсюда никому...

Въ безпріютномъ, сыромъ и холодномъ городѣ для Марго неожиданно нашелся рай. Тотъ самый рай, куда приходятъ страдающіе и обремененные, и гдѣ открываются предъ ними двери уже при одномъ ихъ приближеніи... Если въ городѣ темно—здѣсь, въ раю, горятъ яркія звѣзды электрическихъ огней. Если въ городѣ, на его скользкихъ отъ грязи улицахъ, холодно и сыро—здѣсь, въ раю, сухо и тепло, и ноги тонутъ въ пушистомъ коврѣ. Марго сначала думала, что на этомъ коврѣ здѣсь спятъ вмѣстѣ съ Дончикомъ, но оказалось, что для спанья Марго назначена великолѣпная постель—нѣсколько ни хуже, чѣмъ та, на которой Марго спала въ тюрьмѣ. У Марго какъ-то сразу оказалось множество прелестныхъ вещей, которыми ее научили играть; научили ее и еще кое-чему: ей сказали, что высоко на небѣ, въ свѣтѣ солнцъ и звѣздъ, гдѣ рождаются радуги и живутъ свѣтлыя души людей и цвѣтовъ, стоитъ сотканный изъ молній и лучей солнца Престоль Божій, и тамъ находится Богъ. Марго сказали, что Онъ добрѣе всѣхъ на свѣтѣ—добрѣе чужой тетеньки, добрѣе теперешняго папы, адвоката Тарасова, и всѣхъ самыхъ добрыхъ остальныхъ людей. И что когда человѣкъ умираетъ, то онъ можетъ снова воскреснуть отъ одной улыбки Бога, и тогда онъ улетаетъ, какъ птица, въ необозримые свѣтлые луга, къ подножью лучезарнаго Престола, и становится однимъ изъ Божіихъ дѣтей...

Марго научили молиться—и утромъ, когда въ окна смотрится зеленоватый разсвѣтъ, и неоконченные сны, какъ непрочитанная до конца книга, откладываются въ сторону, въ темный уголокъ кровати,—и вечеромъ, когда окна занавѣшиваются плотной занавѣсью ночи, и сны приходятъ къ изголовью и ластятся, какъ маленькіе котята, и рассказываютъ свою странную и ублаживающую сказку... Марго знаетъ молитвы, и когда читаетъ ихъ своимъ слабенькимъ голоскомъ, то кажется, будто звенитъ маленькій колокольчикъ... Гдѣ-то за окнами гудятъ колокола церковей, вознося къ небу свою молитвенную рѣчь, и маленькій колокольчикъ Марго присоединяетъ къ нимъ и свою молитву. И Богъ слышитъ его тихій лепетъ, быть-можетъ, еще лучше, чѣмъ громкіе голоса церковныхъ колоколовъ...

Должно-быть, съ той поры, какъ Марго научили молиться и сказали ей о Богѣ, вся ея маленькая душа освѣтилась и прониклась любовью. Ея душу какъ-будто поднесли погрѣться къ вѣчному и великому небесному огню, а она и вспыхнула отъ этого огня и горитъ словно церковная свѣчка. И освѣщаетъ темныя лица тѣхъ, кто подходитъ къ ней и склоняется надъ нею.

Марго любитъ всѣхъ: и папу Тарасова и его жену, свою новую маму, и новыхъ сестеръ и братьевъ, и куколь и Дончика, и всѣхъ, кто не бьетъ ее и не смѣется надъ нею, а хоть бѣгло улыбнется ей... Но больше и сильнѣе всѣхъ Марго любитъ далекаго лучезарнаго Бога, къ Которому она пойдетъ, когда Онъ поззоветъ ее... Ей сказали, что она непременно пойдетъ къ Нему и даже не пойдетъ, а полетитъ, какъ маленькая бѣлая птица. Марго теперь постоянно думаетъ объ этомъ. Ей кажется, что она уже скоро полетитъ туда: ея маленькое тѣло становится все легче и воздушнѣе. По утрамъ она даже осторожно взглядываетъ назадъ себя, за спину: не выросли ли уже у нея за ночь крылья...

Марго ни разу еще не удалось увидѣть ихъ, а крылья у нея между тѣмъ въ самомъ дѣлѣ уже растутъ... Невидимыя, неосознаемыя, но сильныя и широкія крылья. И чѣмъ тоньше и слабѣе становится ея маленькое, призрачное тѣло, тѣмъ болѣе разрастаются невидимыя крылья, на которыхъ Марго должна унести на необозримые луга... Такъ крѣпнуть и наливаются силой и радужными красками безцвѣтныя и блеклыя крылышки бабочки, пока она еще сидитъ въ тѣеной скорлупѣ куколки. Никто не краситъ ихъ,—даже солнце не призвано для этой таинственной работы. Въ какой бы темнотѣ ни сидѣла куколка, яркая сила и огненная крѣпость жизни вливается въ ея призрачныя крылья сама собой, повинуваясь только таинственному и никому изъ живущихъ не слышному голосу Творца. И настанетъ часъ—и яркія крылья расправятся и унесутъ возродившуюся бабочку къ великому свѣту дня и солнца...

Окружающіе Марго взрослые люди не понимаютъ совершающагося въ ней великаго процесса перерожденія и грустно покачиваютъ головами. Имъ жаль Марго. Имъ ясно только одно: этотъ призрачный ребенокъ не созданъ для жизни и долженъ уйти изъ нея, несмотря ни на какія благопріятныя условія существованія. Они видятъ, что у него еще на самой зарѣ его бытія выточена капля по каплѣ вся сила того сопротивленія, которое охраняетъ жизнь иныхъ дѣтей отъ ядовъ и нечистыхъ силъ громаднаго, грознаго города...

Что съ Марго? Чѣмъ она больна? Ничѣмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ почти всѣми болѣзнями, какія только гнѣздятся въ городѣ. Вѣрнѣе—зародышами, началами этихъ болѣзней. Они родились вмѣстѣ съ нею и никогда не покидали ее. Они сопровождали Марго, какъ вѣрныя няньки и добросовѣстныя гувернантки, на всемъ пути ея маленькой жизни.

Марго просто нехватило жизни, какъ нехватаетъ керосина маленькой лампѣ, освѣщающей темный закоулокъ на заднемъ крыльцѣ. Никто не позаботился своевременно налить въ нее керосина, и маленькая лампочка не въ силахъ горѣть и должна погаснуть.

Къ Марго ходятъ доктора. Они приходятъ къ ней каждый день, выслушиваютъ ее, щупаютъ пульсъ, глядятъ ее по головкѣ. И Марго инстинктивно чувствуетъ, что самое лучшее и дѣйствительное лѣкарство для нея теперь, это—именно погладить ее по головѣ и приласкать ее... Все остальное—лѣкарства, сливочныя смѣси, ванны, уколы шприцемъ—ненужное, напрасное, излишне мучительное... И доктора сами сознаютъ, что все это лишнее. Они тихонько говорятъ адвокату Тарасову и его женѣ, что медицина иногда бываетъ безсильна...

Давнымъ-давно отцвѣли и увяли деревья и зеленые луга за городомъ. За окнами—на улицѣ и на крышахъ сосѣднихъ домовъ—разстилается бѣлый снѣговой покровъ.

Окна застыли въ несказанно-красивыхъ узорахъ. Жестокій морозъ, царящій тамъ, за окнами, какъ-будто хочетъ показать, что есть красота и въ умирающей, и разрисовалъ застывшую пелену стекла райскими цвѣтами... Должно-быть, эти изображенія въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ напоянныя и знаменія ожидающихъ насъ красотъ Неба, и напоминаетъ намъ о нихъ именно Смерть,—этотъ страшный морозъ, такъ знаменательно и чудесно совпадающій съ днѣмъ Рождества...

К. Вещиловъ. Начало конца.
Весенняя выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (5-ая премія).

Сегодня Рождественская ночь и рождественский морозъ.

Гдѣ-то въ ночной тѣмѣ, за разрисованными морозомъ окнами, торжественно гудятъ колокола. Ихъ звонъ отдается въ стѣнахъ домовъ и въ сердцахъ людей. Колокола возносятся къ небу свою громогласную молитву о мирѣ на землѣ и о благоволеніи въ людяхъ. О томъ мирѣ, который бываетъ только въ чистой душѣ ребенка.

Сегодня праздникъ дѣтей. Праздникъ въ честь родившагося Младенца и всѣхъ тѣхъ, кто уподобляется дѣтямъ по чистотѣ и незлобности и любви... Въ теченіе всего года нѣтъ другого такого праздника, когда въ человѣческомъ сердцѣ проявлялось бы такъ много любви и участія къ дѣтямъ. Потому что Христосъ-Младенецъ принесъ въ міръ надежду воскресенія и новой жизни, а дѣти приносятъ съ собой надежду на исправленіе и возвышеніе въ будущемъ той несправедливой, некрасивой и тяжелой жизни, въ которой живутъ ихъ отцы...

Еще нѣсколько времени—и земля пройдетъ черезъ черту святой годовщины, и кто-то постучитъ маленькой и нѣжной ручкой въ сердце каждаго человѣка, имѣющаго уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы чувствовать: „Сейчасъ родился Христосъ!“ И въ предвѣстіи этой минуты рождественскіе колокола поютъ свою горжественную пѣсню, и въ морозномъ воздухѣ тихо замираетъ ихъ гудѣніе и снова рождается, точно набѣгающія волны необозримого моря...

Марго слышитъ пѣсню колоколовъ, и ей кажется, что она различаетъ въ ихъ гудѣніи какія-то прекрасныя слова. Она лежитъ съ закрытыми, усталыми глазами, и въ ея воображеніи колокола представляются живыми существами — огромными великанами, похожими отчасти на ту тетеньку, которая взяла ее къ себѣ отъ Клары, Матильды и Зои. Громадные великаны громко поютъ свою пѣсню, и слова этой пѣсни какъ-то незамѣтно превращаются въ маленькихъ бѣлыхъ ангеловъ, и ангелы летятъ высоко къ небу, сверкая своими блестящими, словно у бѣлыхъ голубей, крыльями. Нѣкоторые изъ нихъ прилетаютъ къ окнамъ и стучатъ крыльями въ стекло. Марго старается открыть уставшіе глаза и поглядѣть на нихъ, но не можетъ... У нея совсѣмъ нѣтъ силы. Вся сила ея тѣла, двигавшая прежде ея ноги, руки, голову, перешла въ ея невидимыя, разросшіяся крылья. Марго чувствуетъ, что крылья уже шевелятся, и что скоро она сама полетитъ вмѣстѣ съ звуками-голубями въ свѣтлыя поля, къ Тому, Кто любитъ ее больше, чѣмъ можетъ любить мать, отецъ, братъ, потому что любовь матери, отца, брата родилась отъ Его неисчерпаемой любви — изъ ея же источника, и блѣдна и слаба въ сравненіи съ самимъ источникомъ. И Марго любитъ Его больше всѣхъ: она знаетъ тайнымъ, зажегшимся въ ней, знаніемъ, что и она сама—только маленькая частичка Его великаго и прекраснаго существа...

Тихимъ, еле слышнымъ голоскомъ Марго спрашиваетъ склонившуюся къ ней молодую женщину:

— Теперь зима?

— Да, зима. Но зима пройдетъ, Марго. Колокола поютъ о томъ, что зима пройдетъ. И опять зацвѣтутъ зеленые луга, и ты будешь по нимъ бѣгать...

Марго ни разу въ жизни не бѣгала по лугамъ. Она даже не видала ни луговъ, ни лѣса, ни поднимающихся къ небу горъ.

Она ничего не видала, кромѣ высокихъ домовъ и грязныхъ безконечныхъ улицъ.

— А у Бога есть луга?—спрашиваетъ она, не открывая своихъ глазъ.

— Тамъ есть и луга, Марго, и цвѣты, какихъ нѣтъ на землѣ. И вся красота земная приходитъ къ намъ оттуда.

— А я буду тамъ ходить?

— Ты будешь тамъ и ходить, и бѣгать, и летать, Марго. Но это будетъ еще не скоро. А къ веснѣ ты поправишься и будешь ходить и бѣгать у насъ вмѣстѣ съ Дончикомъ.

Но незримыя крылья опять шевелятся за плечами у Марго, и она думаетъ только о тѣхъ лугахъ, которые ждутъ ее тамъ—на небѣ. И она не чувствуетъ, какъ на ея бѣлый, восковой лобъ падаютъ чьи-то горячія слезы... А колокола гудятъ и гудятъ, и летятъ къ небу ихъ крылатые и ослѣпительно-бѣлые звуки. Они летятъ туда затѣмъ, чтобы сообщить, что слѣдомъ за ними прилетитъ маленькая бѣленькая дѣвочка, которая не могла остаться подольше на землѣ, потому что была ребенкомъ-призракомъ, ребенкомъ-тѣнью, угасавшимъ, словно маленькая забытая лампочка на задней лѣстницѣ обширнаго человѣческаго жилья...

Не презирайте закоулковъ и заднихъ лѣстницъ и убогихъ вертеповъ... Не забывайте, что въ ничтожнѣйшемъ и бѣднѣйшемъ закоулкѣ—въ овечьемъ хлѣвѣ—родилась Любовь и Надежда человечества...

Сквозь сладкое и прекрасное пѣніе колоколовъ Марго слышитъ знакомый веселый лай. Къ ней вбѣгаетъ Дончикъ и съ визгомъ кидается къ ея постели. Его не пускали къ Марго, боялись, что онъ обезпокоитъ ее, но Дончикъ пренебрегъ всякими запретами и храбро прорвался въ дѣтскую.

Марго чуть-чуть приоткрываетъ глаза и съ усиленіемъ улыбается:

— Здравствуй, Дончикъ...

Но ей надо бы сказать: „Прощай, Дончикъ“.

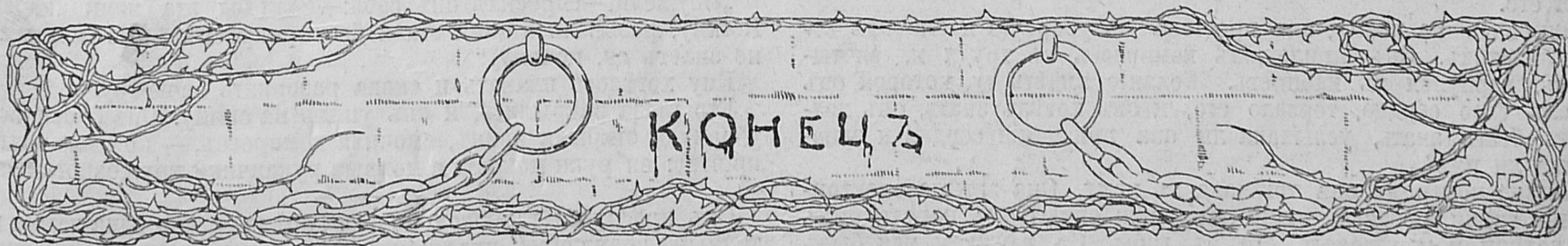
Крылья выросли. Крылья налились жизненной силой и яркими красками Неба. Дѣвочка-призракъ кончила свою короткую жизнь. Младенецъ-Христосъ родился, ребенокъ-призракъ умеръ... Но почему умеръ? Развѣ мы знаемъ, умеръ ли онъ? И чтѣ значить это страшное и таинственное и непонятное слово „умеръ“?

Рождественскіе колокола поютъ: „Нѣтъ смерти, нѣтъ смерти, нѣтъ смерти...“

Дѣвочка, носящая кличку Марго, не должна смущаться и бояться, что у нея нѣтъ христіанскаго имени, и что она некрещеная, какъ смущаются сейчасъ ея опекуны, не успѣвшіе и не позаботившіеся окрестить ее...

Тамъ, гдѣ цвѣтутъ небесные луга, никто не спроситъ ее: „Ты чья, дѣвочка?“ Тамъ знаютъ, что она Божья. И никто не упрекнетъ ее и не посмѣется надъ нею, что у нея нѣтъ настоящаго имени...

Тотъ, Кого она любитъ всѣмъ своимъ чистымъ сердцемъ и къ Кому вознеслась на бѣлыхъ крыльяхъ вмѣстѣ съ пѣсней рождественскихъ колоколовъ, уже далъ ей прекраснѣйшее имя, сіяющее всѣми брилліантами небесныхъ росъ и звучащее, какъ самая вдохновенная музыка. Мы не знаемъ здѣсь, на темной землѣ, такихъ сверкающихъ и поющихъ именъ и никогда не сможемъ придумать ихъ...

* * *

У смерти я въ плѣну: я выхода не знаю
Изъ тѣснаго кольца о смерти тяжкихъ думъ.
Все смертью мѣрю я, чтѣ слышу, ощущаю —
И смѣхъ, и стонъ, и плачь, и тишину, и шумъ...
Надъ жизнію моею она, какъ Немезида,
Стоитъ холодная и строгая и ждетъ...

Въ душѣ подавленной и горечь и обида, —
Я говорю:—«За что?»—отвѣта не даетъ...
И жизнь моя ползетъ такъ медленно-устало...
Безъ солнца, безъ любви мой умираетъ день...
Я темень сталъ душой, и склепомъ сердце стало.
Вся жизнь моя въ быломъ; я—лишь былого тѣнь.

Филаретъ Черновъ.

Жемчужное ожерелье.

Рассказ Дм. Крачковскаго.

— Дорогая моя, любимая, — вот мое сердце, — сказал молодой человек в черном костюме и разсѣкъ свою грудь.

Онъ вынулъ бережно изъ груди красное, дымящееся кровью, сердце, осторожно передалъ сердце повелительницѣ и тихо опустился въ кресло. Смертельная блѣдность покрыла его лицо, въ разсѣченную грудь вливался холодной струею воздухъ, и тихо ныла зияющая рана. Онъ приложилъ къ груди платокъ и склонилъ голову на руку.

Женщина съ жемчужнымъ ожерельемъ бросила сердце на столикъ, подлѣ томика стихотвореній Ады Негри, и положила ноги на маленькую скамеечку, украшенную пунцовыми кистями.

— Я такъ благодарна вамъ, — сказала она. — Мнѣ грустно, — вы, вѣроятно, сильно страдаете?

Онъ крѣпко прижалъ къ груди платокъ и тихо отвѣтилъ:

— О, нѣтъ. Я знаю, — рана не смертельна, скоро я буду здоровъ. Одна мысль, что сердце въ вашихъ рукахъ, даетъ мнѣ силы переносить самыя мучительныя страданія.

Чтобы успокоить его, она склонилась къ сердцу и начала его разсматривать.

— Какое прекрасное сердце, — сказала женщина съ жемчужнымъ ожерельемъ: — красное, мужественное, и все его выпуклости строго очерчены.

— Мое сердце, — сказалъ онъ: — возмужало, питаюсь страданіями; и только такое сердце я рѣшился предложить вамъ.

— Неужели, — спросила она легкомысленно: — мужчины такъ сильно страдают?

— Да, они сильно страдают, — отвѣтилъ онъ: — но предлагаютъ сердце уже возмужавшее и перестрадавшее.

Онъ крѣпко сжалъ зубы, закрылъ глаза и тихо застоналъ, а женщина съ ожерельемъ, чтобы не скучать, тихонько вонзила въ сердце булавку и любовалась своимъ кольцомъ.

Шелъ дождь; по улицамъ медленно катились пролетки и кареты, а у ярко освѣщеннаго подъѣзда Благороднаго собранія толпились музыканты, — тамъ танцевальный вечеръ и благотворительный базаръ.

Онъ лежалъ на диванѣ въ кабинетѣ и прикладывалъ къ сердцу платки — одинъ за другимъ. Все они окрашивались кровью, и онъ бросалъ платки на коверъ, подлѣ дивана.

Рана не заживала, и теперь часто его пощипали странные видѣнія и сны. Но эти видѣнія исчезали, ему становилось снова такъ легко, словно онъ шелъ по цвѣтущему полю и сбивалъ палкой головки одуванчиковъ.

Онъ зналъ, кому отдалъ свое сердце. Онъ привыкъ изслѣдовать каждое наблюденіе, привыкъ провѣрять каждую мысль и не сомнѣвался, что передалъ свой подарокъ женщинѣ, какъ великій падишахъ, бросающій нищему золотую корону. И наконецъ онъ всегда лелѣялъ надежду, что, можетъ-быть, когда-нибудь женская ножка рѣшится ступить на тонкій мостикъ, проложенный отъ сердца мужчины къ совершенству, и на такой высотѣ у нея не закружится голова. „Можетъ-быть, — думалъ онъ: — пурпуръ тренетнаго, дымящагося кровью, сердца откроетъ ей глаза, и она подниметъ глаза къ небу?“ И онъ вырвалъ свое сердце. Всегда смѣлый изслѣдователь, онъ не могъ остановиться передъ послѣднимъ шагомъ, и боль истерзанной груди не пугала его.

Опираясь на палку, онъ прошелъ въ уборную и смочилъ водою платокъ. Онъ приложилъ компрессъ къ груди и, спотыкаясь, вернулся въ кабинетъ. Желаніе видѣть ту, которой онъ отдалъ свое сердце, терзало его, и онъ хотѣлъ знать, онъ долженъ былъ знать, услышала ли она признанія сердца и запомнила ли ихъ?

Поздно вечеромъ она пріѣхала къ нему. Она зажгла электрическія свѣчи, розовыя, синія лампочки; опустилась передъ нимъ на колѣни и поцѣловала его въ губы. На груди у нея былъ букетъ фіалокъ, а на широко открытой шеѣ мерцало жемчужное ожерелье.

— Какъ твоя рана? — спросила она.

— Кровь сочится, — отвѣтилъ онъ: — но, конечно, помогутъ компрессы.

Она привезла цѣлый ворохъ сплетенъ и новостей. Въ Благородномъ собраніи были все „свои“. Она продавала шампанское. Одинъ старый господинъ высказалъ мысль, что если бы ея претамъ философіи и открытій, — пожалуй, міръ выигралъ бы. Она, конечно, сумѣла отвѣтить ему.

— Какъ твоя рана? — снова спросила она.

Онъ улыбнулся и поцѣловалъ ея руку.

Она жаловалась на усталость. У нея болѣла голова. Вѣдь она выпила нѣсколько бокаловъ шампанскаго и хлопотала весь вечеръ.

Спустя нѣсколько дней, рано утромъ, когда весеннее солнце зажгло все углы ея спальни, и ярко блестѣла розовая статуэтка умирающаго гладиатора, — женщина съ ожерельемъ подошла къ столу, а на столѣ, подлѣ краснаго сердца, стоялъ кофейный приборъ, валялись неразрѣзанная книга и подкладка для волосъ. Она сѣла въ кресло и задумалась.

— Неужели, — спросила она себя: — онъ разсѣкъ свою грудь и подарилъ мнѣ пурпурное сердце? Неужели я такъ прекрасна? — вѣдь онъ подарилъ мнѣ свое лучшее сокровище!

Она вонзила въ сердце булавку, — но быстро вынула булавку изъ сердца и подумала: „Мы, женщины, не знаемъ, почему страдаютъ мужчины. Конечно, я должна внимательно разглядѣть его сердце“.

Она налила чашечку кофе, положила на колѣни сердце и принялась его разсматривать.

Въ саду тихо журчали первые ручьи, и зеркальный шаръ на крышѣ бесѣдки разбрасывалъ лучи во все стороны. Подъ желтой шелковой занавѣской ея спальни бился крылышками какой-то жучокъ, а потомъ упалъ на спину и перевернулся вверхъ ножками.

— Вотъ мужество, — говорила она: — вотъ состраданіе, вотъ смѣллыя открытія, вотъ сосредоточенное вниманіе. Неужели мужчины страдаютъ потому, что они одиноки, и мы ихъ не понимаемъ?

Ей сразу сдѣлалось очень весело. Всегда весною ей хотѣлось любить, цѣловать цвѣты и давать несбыточные обѣщанія. Она знала, что весною ея рѣшенія и намѣренія роятся, какъ козявки и бабочки, и когда вечеромъ эти бабочки умирали — она не огорчалась и знала, что бабочки живутъ только одинъ день.

„Я раздѣлю его одиночество, — думала она: — я закалю свое сердце, и вмѣстѣ пройдемъ путь нашъ“.

Она принялась поспѣшно одѣваться. Она надѣла свое прекрасное черное кружевное платье, черную шляпу, черныя перчатки, черное манто и повязала черный вуаль. Женщина, если она собирается въ путь, — должна быть вся въ черномъ. Но она не могла разстаться съ жемчужнымъ ожерельемъ и повязала его на прикрытой чернымъ кружевомъ шеѣ.

Въ каретѣ она отправилась къ нему.

Онъ лежалъ на боку и смотрѣлъ на розовыя изразцы камня. На книжной этажеркѣ стоялъ глобусъ, на его полушаріи расплзлась Америка и упиралась мысомъ Надежды въ океанъ.

Подъ его глазами легла землистая пелена, и одна рука сжимала кровавый платокъ.

— Какъ твоя рана? — спросила она и подняла вуаль.

Онъ припалъ губами къ ея рукѣ.

Она опустилась на колѣни и восторженно сказала:

— Мой дорогой, мой любимый, если хочешь, я открою Новый свѣтъ и соберу вокругъ себя всехъ несчастныхъ. Ты долженъ вѣрить мнѣ, — я понимаю тебя.

Онъ приподнялся на локтѣ и посмотрѣлъ пристально въ ея глаза.

Ему казалось, что она похожа на большую черную бабочку, у которой огромныя крылья и маленькая голова.

Какъ любилъ онъ ее!

„Неужели, — спросилъ онъ себя: — если бы эта женщина знала Истину, развѣ женщина стала бы прекраснѣе? Но почему она не знаетъ ея, почему?“

Ему хотѣлось плакать и снова разорвать свою грудь.

Его глаза закрылись, и онъ упалъ на спину. Она бросилась въ уборную, открыла кранъ, смочила компрессъ, — но было такъ неприятно: ея руки мокрыя и мокрые рукавички кружевного платья.

Онъ проснулся глубокою ночью. Горѣла только одна лампа подъ темнымъ абажуромъ, украшеннымъ разноцвѣтными стеклышками. Портретъ друга въ золотой рамѣ былъ освѣщенъ снизу, — и онъ видѣлъ его стройныя ноги и грустно поникшую кисть руки. Этого другъ! Онъ зналъ свою истину, онъ зналъ какія-то свои слова, свои мысли, свои страданія, но они столкнулись съ еѣрыми, средними словами женщины и — не устояли. Мыши женскихъ словъ подточили его зданіе, зданіе рухнуло и погребло подъ обломками сердце друга. Бѣдный другъ!

Теперь, ночью, онъ ясно почувствовалъ, что въ груди нѣтъ сердца. Такъ странно было не слышать ударовъ сердца, и холодная пустота груди ледянила мозгъ. Она разрасталась, расплзалась, и уже нѣтъ величавыхъ мыслей, нѣтъ крѣпкихъ, какъ кремень, мужскихъ надеждъ, а есть одно нестерпимо-мучительное сознаніе, что грудь опустошена, и самое дорогое, единственное

сокровище—выброшено изъ груди, какъ кусокъ дряннаго мяса, безплоднаго и гнилаго. Онъ сказалъ ей недавно: — возьми мое сердце; смотри, оно истекаетъ кровью; пойми наконецъ, чѣмъ страдало оно, чѣмъ мучилось! Но теперь, ночью, когда изъ золотой рамы смотрятъ неподвижныя ноги друга, и тихо шевелится въ книги шкапа раскрывають переплеты и твердятъ—безъ конца о страданіяхъ первыхъ христіанъ, о полетахъ шаровъ, о машинахъ, газахъ, геологическихъ напластованіяхъ, предсказаніяхъ философовъ, холстахъ Возрожденія,—теперь, ночью, ему хочется упасть на колѣни и закричать: — отдай мнѣ мое сердце, верни мое сердце, пощади меня, спаси! Люблю тебя, молюсь тебѣ, но пустота груди страшнѣе послѣднихъ мукъ и ужасовъ.

Ахъ,—ему казалось, никогда, никогда онъ не служилъ Истинѣ, и такъ страшно было чувствовать, какъ тускнѣютъ все представленія, какъ теряють очертанія живыя формы, а изъ раны въ груди все сочится и сочится кровь, и края раны покрываются мертвыми струпами.

Онъ хотѣлъ встать и приложить къ груди компрессъ, но у него не было силъ, и онъ съ тайной завистью воображалъ кранъ умывальника, изъ котораго всегда-всегда струится живая, охлаждающая влага.

Какъ прекрасна жизнь, измѣняющаяся, устремляющаяся къ новому руслу, — она разливается широко-широко, бурная, какъ горный каскадъ, и вздымающаяся сверкающую пыль. Напряженіемъ своего сердца люди вздымають ее къ самому небу,— и вдругъ, на смѣшливые, разочарованные, уже усталые и прельщенные женскими улыбками, идутъ въ сторону и смотрятъ, какъ, низринувшись съ неба, она разбивается въ прахъ.

Онъ закрылъ глаза. Его рука лежала на груди, и сквозь струпа раны просачивалась липкая кровь. Ему снова показалось, что онъ идетъ по тропинкѣ и сбиваетъ палкой головки одуванчиковъ. Но вдругъ изъ-за куста вспорхнула бабочка съ головою женщины и начала часто-часто махать крыльями передъ его глазами. Онъ ловко подкрался, схватилъ бабочку и сжалъ кулакъ. Рука обогрелась кровью—черная бабочка укусила его палецъ; онъ разжалъ кулакъ—бабочка вспорхнула и улетѣла.

Женщинѣ съ ожерельемъ уже надоѣли все надежды открыть Новый свѣтъ и *regretium mobile*, — и она вонзила въ его сердце десятка два булавокъ.

Быль май, но уже нѣсколько дней шелъ дождь, потускнѣлъ серебряный шаръ на бесѣдкѣ, — и такъ пріятно было втыкать въ его сердце одну булавку за другой.

Часто она снимала черное платье, надѣвала голубое, и матовый блескъ жемчужинъ, казалось, сверкалъ матовымъ блескомъ души женщины, всегда безцвѣтной, равнодушной и таинственной. И какое бы она ни надѣла платье—нитка жемчуга украшала ее грудь, и никто не зналъ, что собрала она на груди своей: слезы или жемчужины смѣха, всегда такого заразительнаго, такоу неискренняго?

Однажды, когда онъ умолялъ ее поскорѣ пріѣхать, такъ какъ кровь перестала сочиться, и онъ скоро умретъ, она собрала многихъ своихъ друзей и объявила имъ, что теперь она будетъ служить своему женскому дѣлу и забудетъ отдаленныя, неприступныя цѣли.

— Пусть о неприступныхъ цѣляхъ мечтають мужчины, — сказала она со смѣхомъ: — а мы, женщины, будемъ нести рекогносцировочную службу и служить, какъ можемъ. Не правда ли, такъ будетъ лучше?

Все закричали: „браво! браво!“ Женщины были въ восторгѣ, — вѣдь онѣ наконецъ нашли свое женское дѣло! А мужчины смотрѣли на женщинъ покровительственно-нисходятельно и не знали, помогутъ ли эти рекогносцировки подняться на вершину Олимпа.

Когда все они усѣлись на диванахъ и креслахъ, — раздался громъ, и сразу деревья подлѣ оконъ затрепетали листьями, и взвилась пыль. Потомъ снова и снова заблестала молнія, и огромная дымчато-черная волна катилась по небу. Какъ чудесно весною, откуда-то изъ-за солнца появляются эти волны, настигаютъ одна другую и съ корнемъ вырываютъ столѣтнія деревья.

Ей хотѣлось говорить. Она поправила на груди ожерелье и объявила, что женщины проникнуть въ суды, въ министерства, школы, фабрики, онѣ создадутъ свои общества, — и тутъ же не была благотворительность, базары, выставки и очень изящныя кустарныя издѣлія. Все ея обѣщанія переплелись одни съ дру-

гими, и было такъ пріятно сидѣть въ гостиной, вѣрить, что она добрая подруга мужчины, — и держать въ рукахъ томикъ стихотвореній Ады Негри.

Ей хотѣлось сейчасъ же начать что-либо дѣлать. Она принялась суетиться и всехъ убѣждала, что быть больнымъ очень тяжело. Никто не сомнѣвался, — и поэтому рѣшили послѣ дождя пойти въ садъ. Здѣсь все женщины очень граціозно поднимали свои юбки и показывали обворожительные чулки, а мужчины смотрѣли на женщинъ, и мужчинамъ хотѣлось обнимать ихъ и ласкать, какъ маленькихъ дѣтей.

Въ саду она вспомнила о его письмѣ. Она не понимала теперь, зачѣмъ онъ разорвалъ свою грудь и бросилъ къ ея ногамъ кровавое сердце.

„Неужели, — думала она: — нельзя любить иначе?“ Вотъ, напримеръ, она: любить людей, собирается устраивать базары и не разрываетъ груди. „Какъ страшно, — думала она: — смотрѣть на кровавое, дымящееся сердце, и какъ пріятно втыкать въ него булавки. Совсѣмъ какъ въ шелковую красную подушечку, разукрашенную бантиками.“

— Неужели ты умрешь? — спрашивала она, лаская его длинные мягкіе волосы. — Когда ты умрешь, я заключу твое сердце въ стеклянный ларчикъ и всегда буду молиться ему — утромъ и вечеромъ.

Онъ, какъ и раньше, прикладывалъ къ сердцу платки, но теперь они были сухіе, и только нѣсколько капель крови проступило на бѣлыхъ платкахъ.

Онъ слушалъ ее и удивлялся, сколько жестокости и нѣжности сквозить въ каждомъ словѣ женщины. Онъ вѣрилъ—она будетъ молиться, и вѣрилъ—она никогда, никогда не догадается, зачѣмъ онъ вырвалъ изъ груди свое сердце. И если ее не научило обнаженное сердце, то кто и когда научить ее?

Ему хотѣлось теперь разорвать свое горло и скорѣе, скорѣе умереть.

— Почему ты не пріѣхала вчера, — вѣдь ты получила мое письмо? — спросилъ онъ.

— Была гроза, — отвѣтила она: — у меня собрались друзья. Мы были заняты очень важными дѣлами. Мы обсуждали нашу программу. Я знала, — ты не разсердишься.

— А если бы я умеръ вчера?

— Я знала, — ты не умрешь. Видишь, я не ошиблась.

Да, она не ошиблась. Она всегда вѣрно предсказывала.

Ему хотѣлось пить. Она принесла стаканъ вина. Когда она повернулась къ нему спиной, ему казалось—его мать стоитъ подлѣ стола и наливаетъ вино, и только мать, только нѣжная женщина умѣетъ такъ наливать и такъ нѣжно склоняться надъ больнымъ, умирающимъ мужчиною.

— Я расскажу тебѣ нашу программу, — сказала она. — Мы будемъ исполнять все ваши порученія, мы будемъ служить, защищать, учить, соединяться въ союзы, помогать, устраивать базары, а вы будете творить и, какъ боги, повелѣвать на своемъ Олимпѣ. Теперь ты доволенъ, да? Я вѣрно поняла твое сердце?

Онъ улыбнулся и опустил глаза. Ему было стыдно, ему было мучительно стыдно. Ему было стыдно умирать на глазахъ этой женщины, — вѣдь ей онъ отдалъ свое сердце. Теперь онъ не хотѣлъ, чтобы она узнала то единственное, вѣчное, сіяющее слово—Истина, во имя котораго люди умирали, сожигали себя и шли на распятіе; онъ хотѣлъ, чтобы она возвратила ему его сердце, — красное, дымящееся кровью, сердце. Онъ видѣлъ это сердце, пронзенное булавокими, словно красная подушка съ бантиками, словно кусокъ дряннаго, гнилаго мяса, — и великая печаль сжала его горло. Онъ заплакалъ. Слезы подбрасывали на диванъ его умирающее тѣло. Снова разорвалась на груди рана, и изъ раны хлынулъ потокъ крови. Онъ рыдалъ. Слезы смѣшивались съ кровью, а женщина съ жемчужнымъ ожерельемъ не рѣшалась приблизиться къ нему, — ее пугалъ видъ крови. И когда изсякли все слезы и вся кровь—онъ просіялъ, и тихая радость снизошла на него. Онъ улыбался и поднималъ глаза къ небу. Теперь онъ зналъ, что нѣтъ высшаго счастья, какъ отдать все свои сокровища безразсудному и бросить золотую корону нищему.

— Спасибо, — сказалъ онъ: — благодарю тебя за все, за все. Теперь я позналъ свѣтъ немеркнущей Истины.

Онъ тихо улыбнулся и, казалось, заснулъ.

Она старалась понять смыслъ его послѣднихъ словъ—и не могла понять.

Ей хотѣлось плакать: вѣдь она такъ сильно любила его, и—кровавое сердце онъ бросилъ къ ея ногамъ.

Гибель парохода „Титаникъ“.

(Съ 5 рис., портр. и картой на стр. 357).

Въ ночь со 2-го на 3-е апрѣля с. г. въ Атлантическомъ океанѣ, на пути изъ Соутгемптона (Англія) въ Нью-Йоркъ, трагически погибъ, столкнувшись съ громадной ледяной горою, пароходъ компаніи „With Star Line“—„Титаникъ“.

Эта рѣдкая въ морскихъ лѣтописяхъ катастрофа унесла въ водную могилу 1.635 человекъ, — иначе говоря: населеніе небольшого города... А спаслось 705 человекъ. Колоссальный пароходъ, считавшійся первымъ въ мірѣ по величинѣ, потонулъ менѣе,

чѣмъ въ три часа, несмотря на энергическія мѣры, предпринимаемыя стойкой и прекрасно дисциплинированной командой, и при наличности могучихъ водоотливныхъ средствъ и непроницаемыхъ переборокъ внутри пароходнаго корпуса.

Пароходъ „Титаникъ“ былъ только что построенъ и пошелъ въ свой первый рейсъ. Это было громадное судно въ 46.000 тоннъ съ лишнимъ. Въ длину этотъ пароходъ-городъ имѣлъ 880 футовъ, т.-е. былъ ровно въ три раза длиннѣе самаго большого изъ

волжских пароходовъ. Для пассажировъ было отведено нѣсколько этажей, при чемъ кромѣ обычныхъ салоновъ, курительныхъ комнатъ и столовыхъ на немъ имѣлись гимнастическія залы, купальныя бассейны, восточныя бани и обширныя кафе на верхней палубѣ. Пароходъ былъ отдѣланъ съ неслыханной роскошью и, въ сущности, представлялъ собою настоящій громадный отель перваго ранга. Этотъ пловучій отель вмѣщалъ до 3.000 пассажировъ и около 800 человѣкъ команды и могъ мчаться со скоростью сорока верстъ въ часъ.

Съ такой именно скоростью онъ и несся въ роковую ночь. Капитанъ парохода Смитъ (а по другимъ свѣдѣніямъ—главный директоръ пароходной компаніи Исмей) старался побить міровой рекордъ скорости океанскихъ пароходовъ. Было немного позднѣе одиннадцати часовъ вечера. Только что окончился блестящій концертъ-балъ въ музыкальномъ салонѣ перваго класса. Кое-кто изъ пассажировъ отправился спать, но многіе еще бодрствовали. Въ курительныхъ салонахъ играли въ карты.

Между тѣмъ пароходъ приближался къ роковому мѣсту скопленія льдовъ. Лды—довольно частое явленіе въ Атлантическомъ океанѣ на пути американскихъ пароходныхъ линій. Они плывутъ иногда цѣлыми ледяными полями, иногда встрѣчаются отдѣльныя льдины, и многія изъ нихъ достигаютъ высоты настоящихъ горъ, при чемъ подводная часть у нихъ еще громаднѣе. Эти льдины представляютъ собою настоящій кошмаръ для пароходныхъ командъ, такъ какъ до сихъ поръ еще не найдено средства узнавать ихъ приближеніе. Въ извѣстное время года, когда на Атлантикѣ начинается такой ледоходъ, плаваніе становится прямо опаснымъ, и пароходы обыкновенно стараются держаться ближе къ югу, что удлиняетъ путь въ Америку, но обезпечиваетъ большую безопасность. Въ данномъ случаѣ лица, управлявшія „Титаникомъ“, предпочли ради побитія рекорда избрать болѣе краткій путь и черезчуръ понадѣялись на прочность пароходнаго корпуса и на его „непотопляемость“. Очевидцы говорятъ, что еще въ теченіе всего дня передъ катастрофой пароходъ встрѣчалъ плавающіе льды. Мало того: одинъ изъ встрѣчныхъ пароходовъ предупреждалъ „Титаника“ о необычайно густомъ ледоходѣ, на который можно напороться,—но ничто не воздѣйствовало на лицъ, управлявшихъ „Титаникомъ“, и колоссальный пароходъ на всѣхъ парахъ несся навстрѣчу льдамъ.

Въ 11 часовъ 40 минутъ ночи нѣкоторые изъ пассажировъ почувствовали слабый толчокъ. Другіе же ничего не замѣтили. Пароходъ былъ такъ великъ, что сила удара, страшная по своей интенсивности, почти не отдалась какимъ-либо замѣтнымъ сотрясеніемъ на верхнихъ пассажирскихъ палубахъ. И на первыхъ порахъ только пароходная команда поняла, что дѣло плохо.

Капитанъ Смитъ распорядился сообщить по беспроволочному телеграфу находящимся поблизости пароходамъ о томъ, что „Титаникъ“ терпитъ бѣдствіе. Пассажирамъ же было предложено надѣвать спасательные пояса и садиться въ пароходныя лодки. Въ то же время капитанъ приказалъ пароходному оркестру играть веселыя мелодіи для успокоенія публики. Музыканты „Титаника“ выказали себя настоящими героями. Они тоже до конца исполнили свой долгъ и играли даже тогда, когда „Титаникъ“ уже погружался въ волны. Но тогда они заиграли уже не вальсы и не опереточные мотивы, а хоралъ: „Ближе къ Тебѣ, Господи!“ и похоронный маршъ! Всѣ они погибли. Въ первыя минуты никто изъ пассажировъ не вѣрилъ, что произошла серьезная катастрофа, и приглашеніе садиться въ лодки было встрѣчено съ недоумѣніемъ. Никому не хотѣлось уходить съ громаднаго, освѣщеннаго электричествомъ, удобнаго парохода въ маленькія лодочки и плыть на нихъ по океану. Да и зачѣмъ? Вѣдь „Титаникъ“ и въ разговорахъ, и въ рекламныхъ книжкахъ, и въ газетныхъ статьяхъ считался „абсолютно непотопляемымъ“... И на первыя лодки сѣли далеко не многочисленные пассажиры. И только потомъ, когда пароходъ сталъ замѣтно крениться носомъ въ воду, и перестали работать динамо-машины, а вслѣдствіе этого пароходъ погрузился въ тьму,—только тогда всѣ поняли, что дѣло неладно. И тогда началась ужасная, неопикуемая паника... Къ лодкамъ кинулось все громадное населеніе парохода. Лодокъ оказалось недостаточное количество, и вокругъ нихъ готовилась разгнаться кровопролитная битва не на животь, а на смерть...

Но тутъ-то и сказались необыкновенная выдержка англичанъ и, въ частности, англійской пароходной команды. Капитанъ командовалъ: „Въ лодки садятся только женщины и дѣти!“ И мужчины рыцарски уступили мѣсто представительницамъ слабого пола. А когда въ одной лодкѣ оказалось все-таки нѣсколько человѣкъ мужчинъ, и командовавшій лодкой офицеръ крикнулъ, что лодка переполнена, и трое лицъ должны ее оставить, то трое англичанъ сейчасъ же воскликнули „All right“ и бросились въ море...

На „Титаникѣ“ ѣхало много извѣстныхъ и занимающихъ весьма крупное общественное положеніе лицъ. На немъ ѣхали извѣстные англійскій публицистъ Вильямъ Стэдъ, ѣхали знаменитые американскіе милліардеры Асторъ, Штраусъ и много другихъ видныхъ людей. И никто изъ нихъ не подумалъ о собственномъ спасеніи и стремился оказать помощь болѣе слабымъ. И почти всѣ они погибли. Штраусу было предложено занять мѣсто въ спасательной лодкѣ. Престарѣлый богатъ отказался, промолвивъ: „Садятся въ лодку только женщины“. Отказалась принять помощь и его жена: она не хотѣла оставить мужа, и оба супруга

рука объ руку остались на пароходной палубѣ и мужественно встрѣтили гибель. Глубокое человѣколюбіе и мужество выказали, по общимъ отзывамъ, В. Стэдъ и милліардеръ Асторъ, у котораго спаслась жена, но самъ онъ погибъ. Но едва ли не самымъ главнымъ героемъ показались себя престарѣлый капитанъ Смитъ. Онъ оставался на гибнущемъ пароходѣ, пока не была спущена послѣдняя лодка. Затѣмъ, уже по колѣно въ водѣ, онъ кричалъ въ рупоръ пассажирамъ: „Господа, покажите себя настоящими британцами“... Потомъ онъ бросился въ воду, спасъ тонувшаго маленькаго ребенка и передалъ его въ одну изъ лодокъ. А когда въ этой лодкѣ узнали капитана и предложили ему мѣсто въ лодкѣ, онъ отказался отъ помощи и погрузился въ волны. Первый помощникъ капитана также покончилъ съ собой самоубійствомъ, не желая пережить гибель парохода...

По рассказамъ очевидцевъ, „Титаникъ“ медленно опускался носомъ въ воду. Въ послѣднія минуты онъ поднялся кормой кверху и сталъ перпендикулярно надъ моремъ, а затѣмъ быстро погрузился навсегда въ пучину. Дикій крикъ ужаса пронесся надъ моремъ: вмѣстѣ съ морскимъ колоссомъ погрузилось въ волны около тысячи человѣкъ пассажировъ, не успѣвшихъ выбраться съ парохода...

Тяжело однако было и положеніе спасшихся. Въ ночь катастрофы стояла очень холодная погода. А между тѣмъ огромное большинство женщинъ и дѣтей было полуодѣто—въ спальныхъ костюмахъ или же въ легкихъ бальныхъ платьяхъ декольтэ... Еще болѣе страдали, конечно, тѣ, кому пришлось плыть въ ледяной водѣ. Герой-телеграфистъ Филлипсъ до конца, до послѣдней возможности работавшій своимъ аппаратомъ и успѣвшій подать вѣсть о гибели „Титаника“ нѣсколькимъ пароходамъ, погибъ въ водѣ отъ изнеможенія и холода и былъ вытасченъ на спасательный пароходъ уже мертвымъ... Многихъ затерло льдинами. Жутко погибали несчастные кочегары, выскакивавшіе почти голыми изъ раскаленныхъ кочегарокъ и попадавшіе въ ледяную воду...

Далеко не всѣ лодки были благополучно спущены: какъ говорятъ, три или четыре лодки, переполненные женщинами и дѣтьми, затонули. Въ критическомъ положеніи оказалась одна изъ болѣе удачно спущенныхъ лодокъ: на ней не было ни одного мужчины, способнаго грести. Къ счастью, нашлась одна мужественная женщина, графиня Ротсъ, которая занималась гребнымъ спортомъ въ прежнее время. Она принялась грести и буквально „вывезла всѣхъ“...

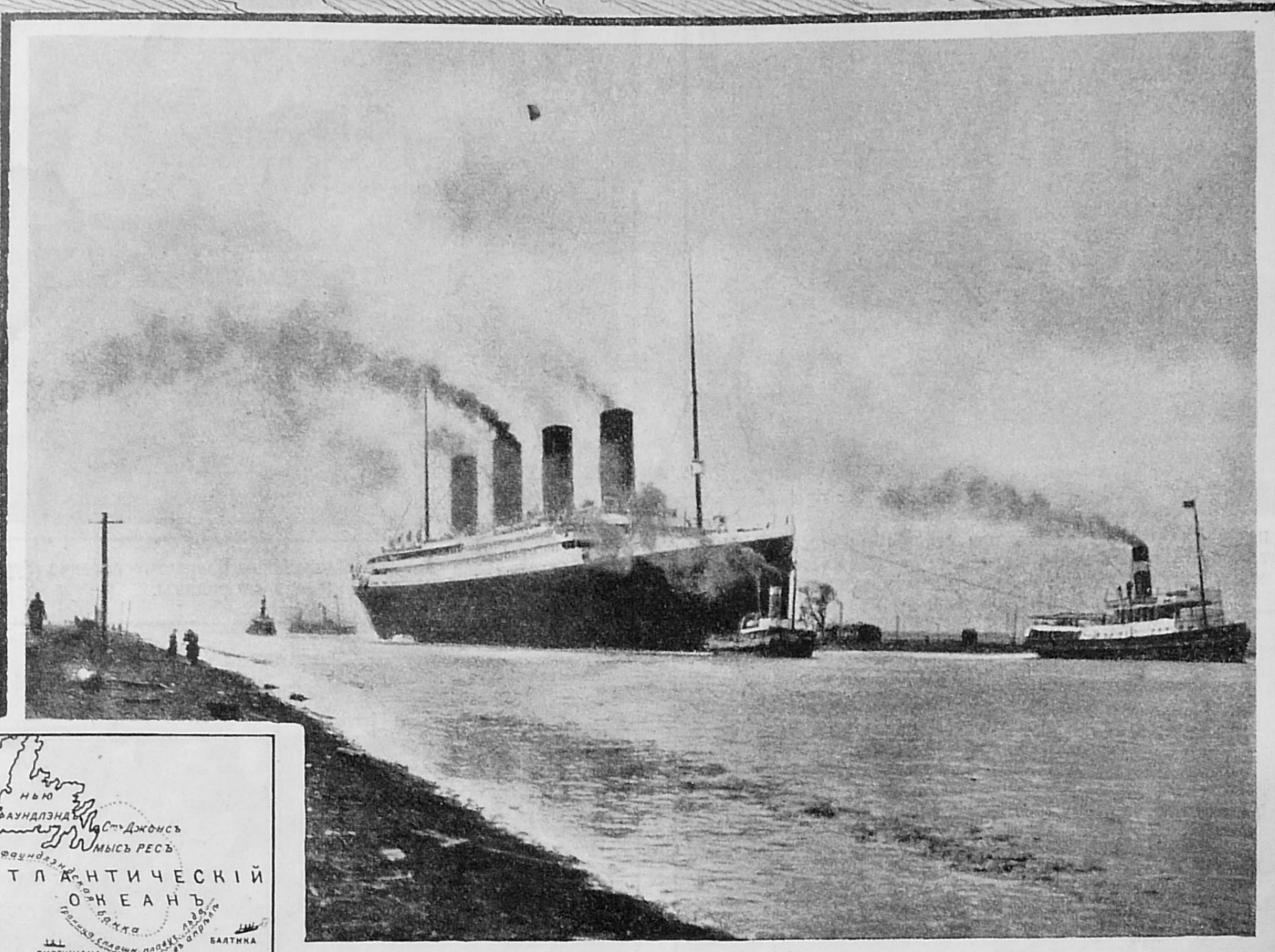
„Титаникъ“ исчезъ безслѣдно въ волнахъ, но все пространство на нѣсколько миль въ окружности было покрыто обломками корабля, лодками и трупами... Ледоходъ продолжался и уносилъ и людей и трупы все дальше и дальше въ океанъ... А помощь все не являлась, хотя еще въ первыя же минуты катастрофы былъ полученъ по телеграфу отвѣтъ съ парохода „Карпатія“: „Иду на помощь“. Сравнительно небольшой и не очень быстроходный пароходъ, „Карпатія“ долго не могла добраться до мѣста катастрофы и явилась туда только въ пятомъ часу утра. Другіе же пароходы, которые тоже были освѣдомлены о гибели „Титаника“, подошли еще позже, и, въ сущности, на ихъ долю уже не досталось спасти почти никого. Кто утонулъ, тотъ утонулъ, а остальныхъ подобрала „Карпатія“.

Вѣсть объ ужасной катастрофѣ распространилась и въ Европѣ и въ Америкѣ на слѣдующій же день. Въ Нью-Йоркѣ громадная толпа народа цѣлый день осаждала помѣщеніе пароходнаго правленія, добываясь какихъ-нибудь свѣдѣній о томъ, кто спасенъ и кто погибъ на „Титаникѣ“. „Карпатія“ почему-то долго не давала этихъ свѣдѣній, и волненіе нью-йоркцевъ было неопикуемо. А когда „Карпатія“ наконецъ подошла къ берегу, вся многотысячная толпа встрѣчающихъ обнажила головы, какъ передъ гребальной процессіей. Оказалось, что на „Карпатіи“ дѣйствительно были мертвые. Нѣсколько человѣкъ пассажировъ „Титаника“, спасенные „Карпатіей“, не вынесли холода и моральнаго потрясенія и погибли по пути къ Нью-Йорку. Многіе сошли съ ума, и почти всѣ спасенные, по свидѣтельству доктора „Карпатіи“, производятъ впечатлѣніе душевно-больныхъ.

Американскій сенатъ въ настоящее время производитъ дознаніе о катастрофѣ. Тяжелое обвиненіе предъявлено къ директору „With Star Line“—Исмею, который побуждалъ капитана Смита идти съ „рекордной быстротой“, наперекоръ стихіямъ. Еще болѣе тягостное обвиненіе брошено по адресу всей пароходной компаніи, которая гналась прежде всего за роскошью отдѣлки „Титаника“ и за удобствами для пассажировъ, но не подумала о томъ, чтобы поставить на пароходъ достаточное количество лодокъ и спасательныхъ принадлежностей. Обвинительная власть находить также большія упущенія во всей технической части погибшаго парохода: у него были неважно устроены водонепроницаемыя переборки, дурно работали водоотливныя средства и т. п.

Въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ катастрофы съ „Титаникомъ“, былъ открытъ въ Америкѣ и въ Англии сборъ пожертвованій. И надо отдать справедливость человѣческой отзывчивости: сборъ этотъ въ самое короткое время достигъ громадной суммы—свыше милліона фунтовъ стерлинговъ...

Въ числѣ погибшихъ были почти исключительно англичане и американцы. Но ужасъ и состраданіе охватили весь культурный міръ и выразились въ сердечной отзывчивости со стороны всѣхъ государствъ.

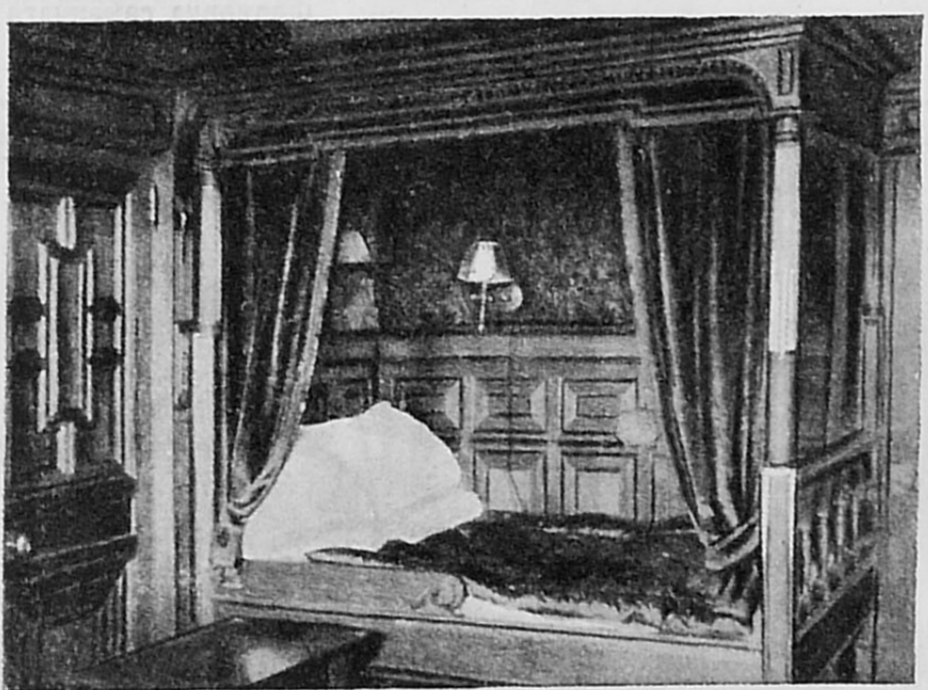
„Титаник“, выходящій изъ гавани Соутгемптонъ въ свой первый (и послѣдній) рейсъ въ Нью-Йоркъ.

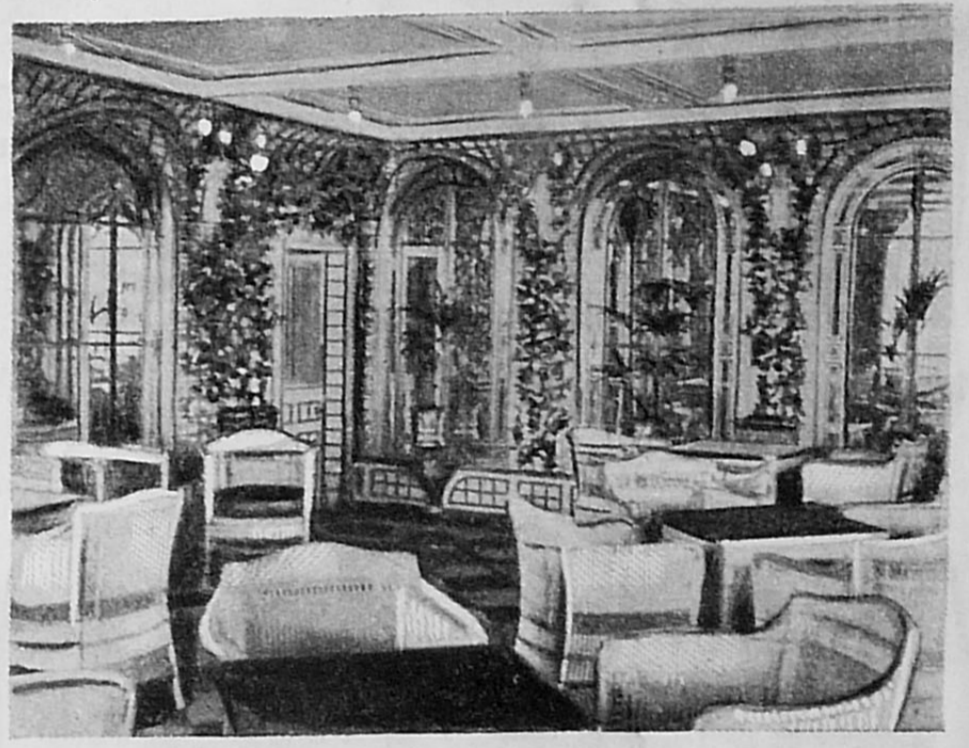
Мѣсто гибели „Титаника“

Э. Смитъ, погибшій капитанъ „Титаника“.

Спальня одной изъ роскошныхъ каютъ. Стоимость одного переѣзда въ такой каютъ, состоящей изъ спальни, гостиной и части палубы въ 50 футовъ длиной,—около 8.500 руб.

Веранда для „five o'clock tea“.

Предбанникъ турецкой бани.

Плывущая ледяная гора въ Атлантическомъ океанѣ.

Гибель парохода „Титаникъ“.

Остановочный пункт для переселенцевъ при станціи Иркутскъ. Здѣсь ожидаютъ и отдыхаютъ переселенцы, ѣдущіе на Дальній Востокъ, пока имъ подадутъ новый составъ поѣзда и перегрузятъ ихъ багажъ. При пунктѣ большая больница.

У сельской лавки. Бричка переселенца „Озерного“ поселка (Тургайской обл.), привезенная съ родины.

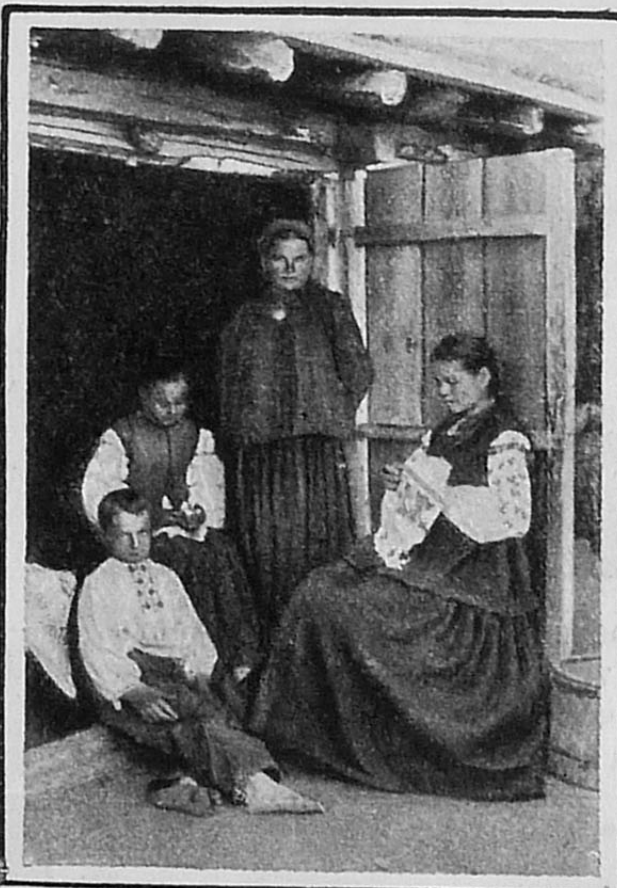
Манчжурскій пунктъ. Выдача пищи переселенцамъ.

Формовка саманнаго кирпича.

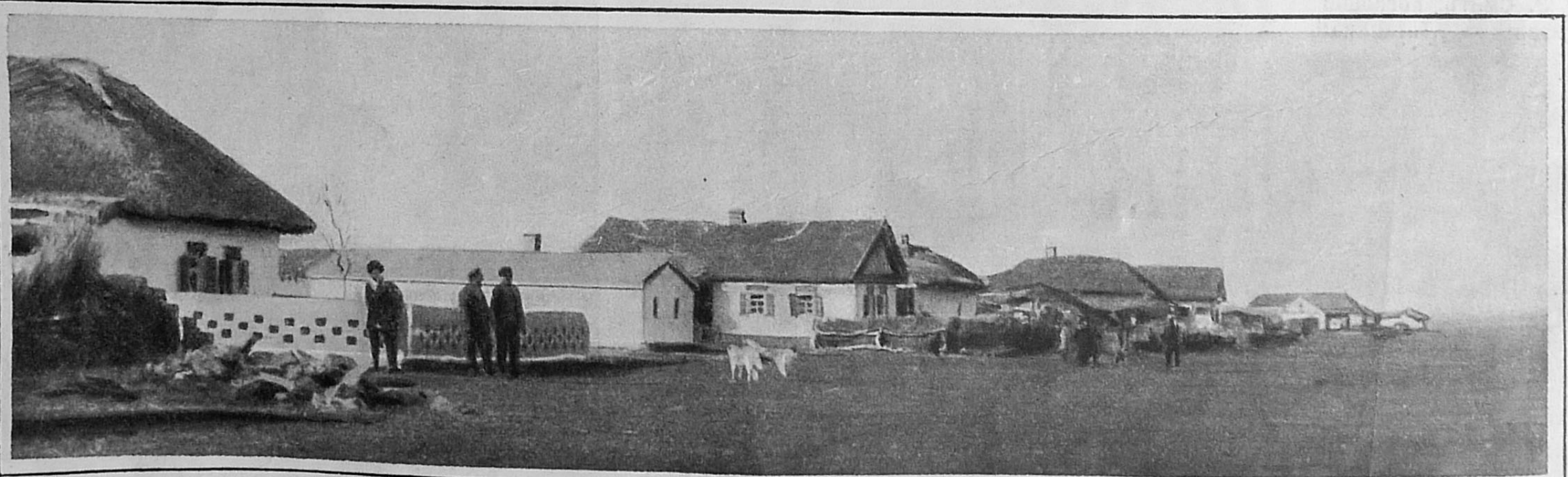
Переселенки поселка „Дороеевки“ Акмолинской обл. за веретеномъ.

Переселенцы-полтавцы въ поселкѣ „Воронцовскомъ“.

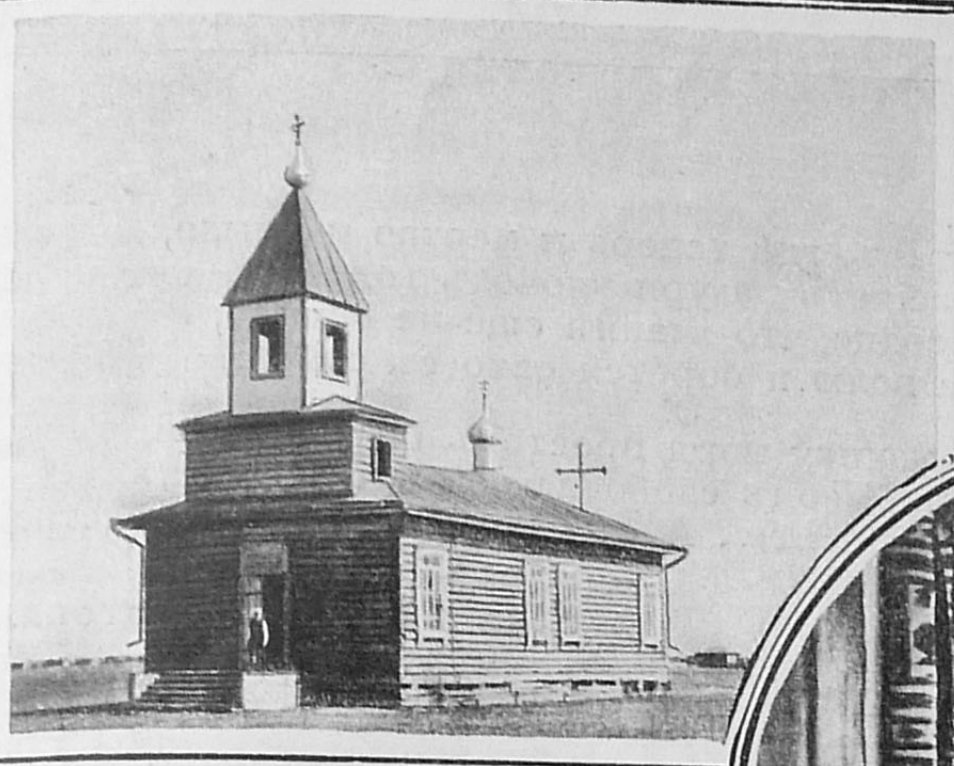

Переселенка поселка „Ночки“ Акмолинской обл. за ткацкимъ станкомъ.

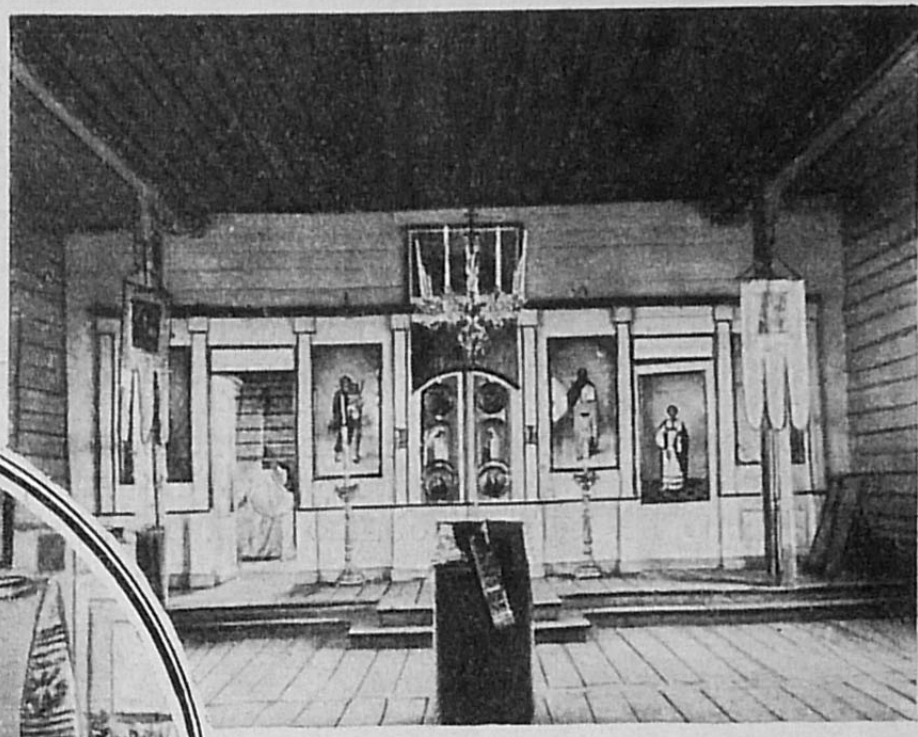

Видъ улицы поселка „Благодатный“ Акмолинской области.

На новыя мѣста.

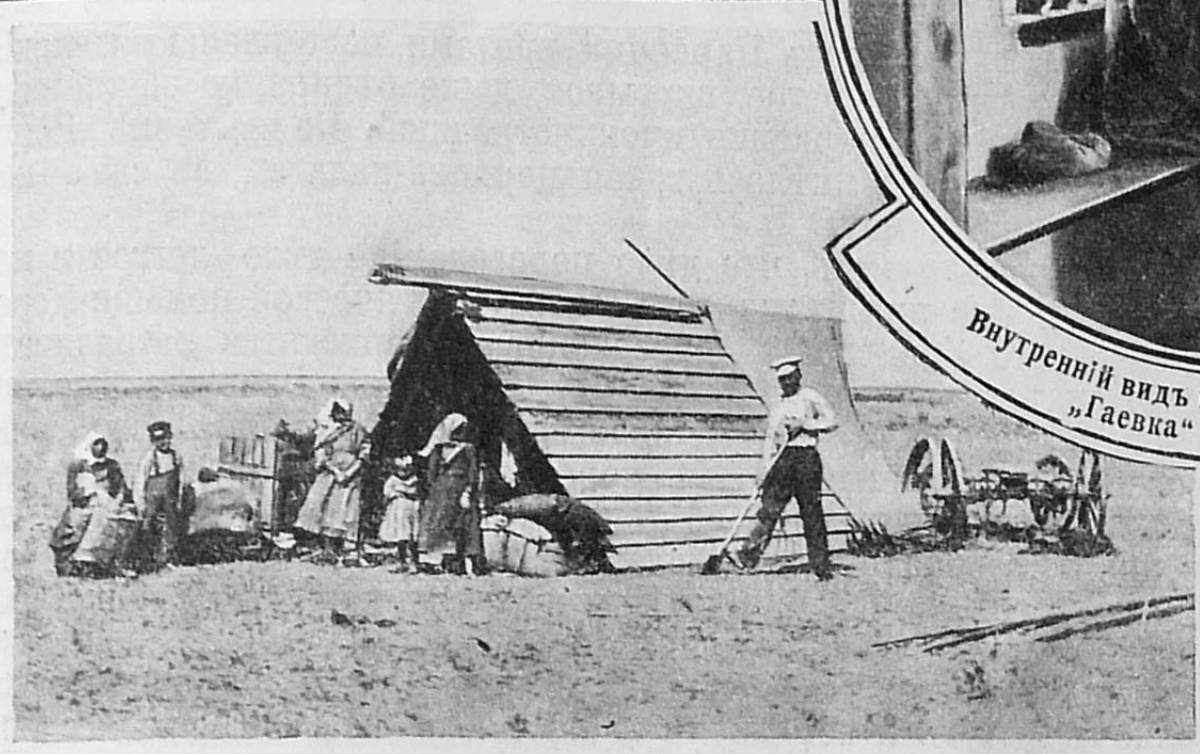
Деревянная церковь въ „Славгородъ“.

Внутренній видъ Славгородской церкви.

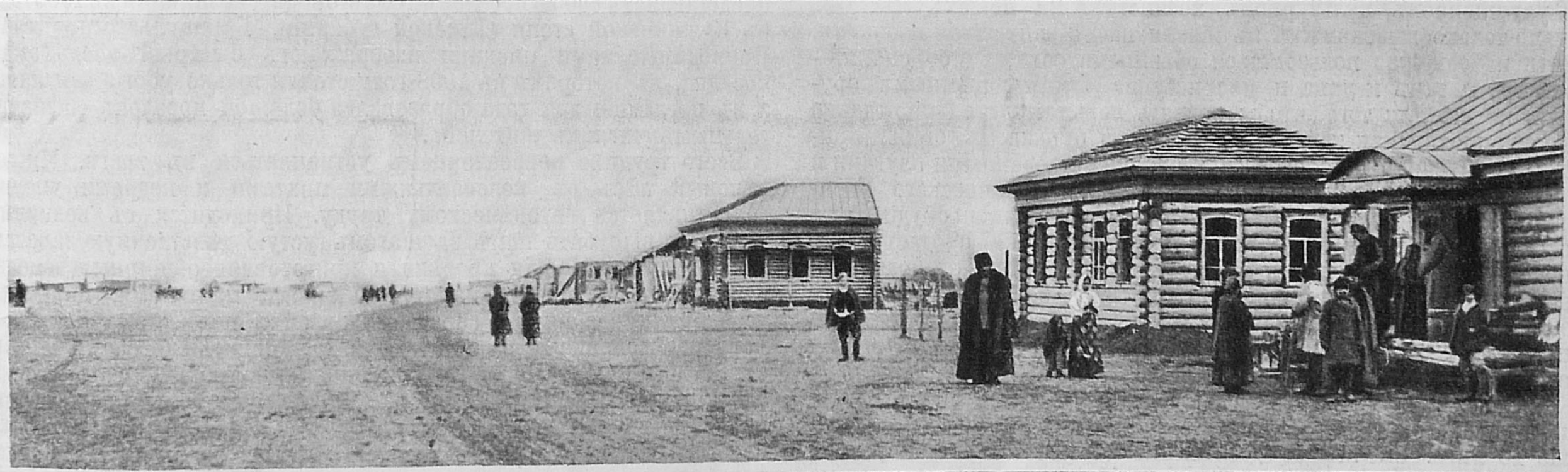
Внутренній видъ избы переселенца поселка „Гаевка“ Акмолинской обл.

Временное жилище переселенца, сколоченное изъ досокъ (Томской губ.).

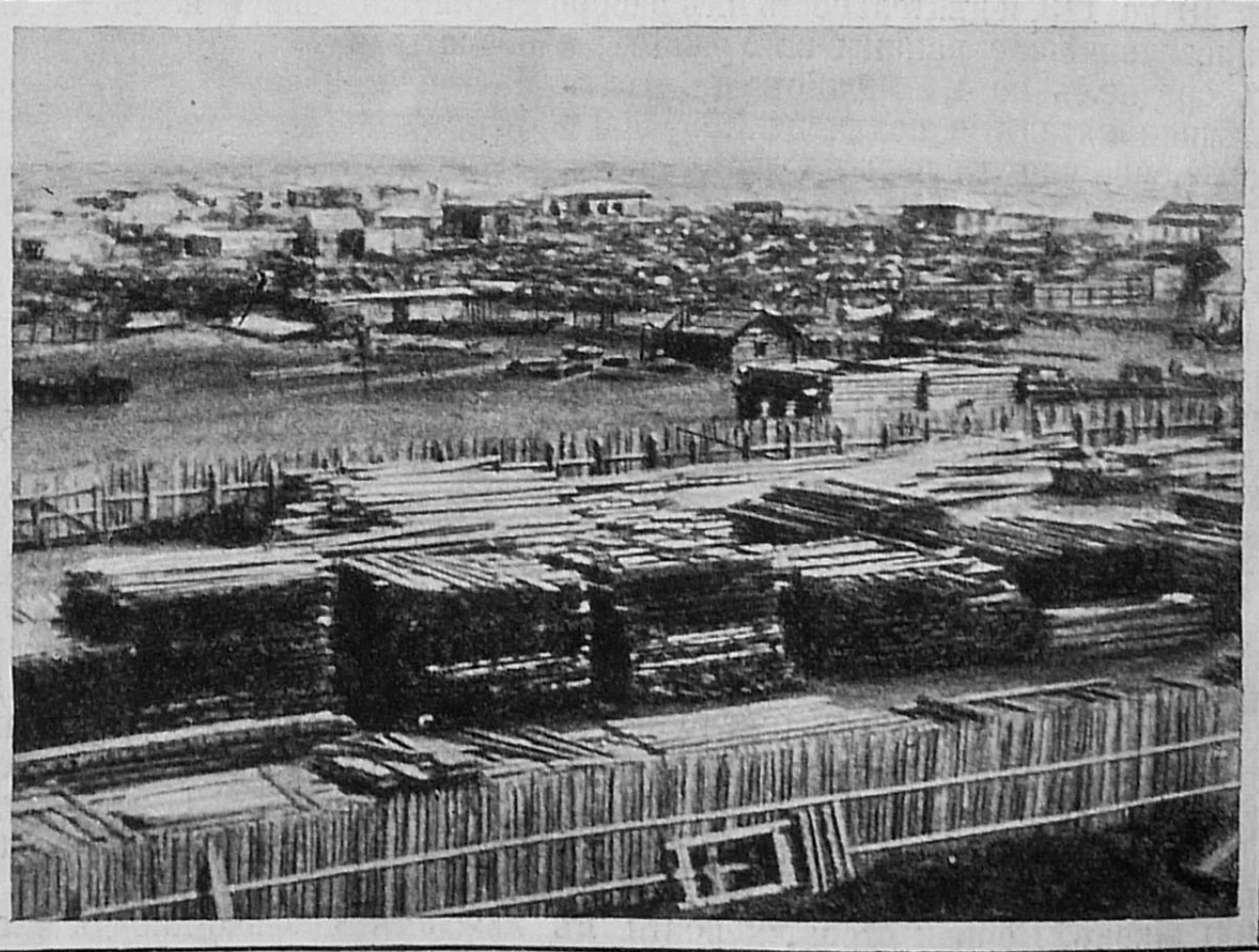
Временное жилище переселенца, устроенное изъ камыша и травы.

Улица поселка „Славгородъ“ въ 1909 году.

Первая землянка переселенца поселка „Славгородъ“, образованнаго въ 1908 году въ Кулундинской степи.

Видъ поселка „Славгородъ“ въ 1911 году

На новыя мѣста.

Д Ъ П И.

Въ каменной клеткѣ, въ тюрьмѣ безъ замковъ, безъ рѣшетокъ,
Сердце томится, приковано къ тачкѣ-туду.
Нижутся, нижутся бусы безцвѣтныхъ четокъ—
Дни безпросвѣтные въ тяжкомъ, кошмарномъ бреду.

Сердце устало уже проклинать и молиться...
Звукомъ размѣреннымъ времени молотъ стучитъ,
Каждый ударъ его на сердце болью ложится;
Сердце смирилось — молчитъ.

Но если тамъ, гдѣ теперь и мертво и уныло,
Вдругъ засіяетъ лазури клочокъ голубой,
Бѣдное сердце, что втайнѣ еще не остыло,
Рвется на волю и борется само съ собой:

Грезится узнику моря просторъ безконечный,
Все, что порывомъ свободного чувства живетъ.
Цѣпи не сбросить... А съ выси красой быстролетной
Счастье зоветъ!

Елена Федотова.

На новыя мѣста.

Очеркъ Георгія Аркатова.

(Съ 15 рис. на стр. 358 и 359).

(Окончаніе).

Дѣятельность Переселенческаго Управленія по водворенію слагается изъ цѣлага ряда культурно-хозяйственныхъ мѣропріятій. Оно выдаетъ переселенцамъ ссуды на домообзаводство, оказываетъ имъ содѣйствіе въ приобрѣтеніи улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ орудій и сѣмянъ, въ постройкѣ жилищъ и т. д. Кроме того, Переселенческое Управленіе организуетъ на новосельныхъ участкахъ административно-общественное управленіе, строитъ при содѣйствіи духовнаго вѣдомства церкви, сооружаетъ больницы и школы...

Обо всемъ этомъ намъ опять-таки говорятъ интересныя и краснорѣчивыя цифры, картограммы и діаграммы, имѣющіяся въ разнообразіи въ книгѣ „Переселеніе и землеустройство за Ураломъ“. Такъ, въ одномъ только 1908 году на одно внутринадѣльное межеваніе было выдано переселенцамъ свыше 32.000 рублей. А въ 1910 году эта сумма выросла уже до 176 тысячъ слишкомъ.

Особый интересъ представляетъ собою дѣятельность сельскохозяйственныхъ складовъ Переселенческаго Управленія. Склады эти — въ особенности склады сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ — вызваны къ жизни самою настоятельною потребностью въ улучшенномъ, культурномъ хозяйствѣ. На новыхъ мѣстахъ, только-только вызванныхъ къ жизни послѣ заустѣнія и дикости, почти невозможно пользоваться обычными сохами и боронами, — такъ груба тамъ и дика и неприступна этимъ скромнымъ орудіямъ почва. Для того, чтобы поднять новыя тамъ, гдѣ еще недавно была непроходимая тайга или заросшая бурьяномъ степь, приходится поневолѣ пользоваться усовершенствованными плугами и боронами. Переселенцамъ безъ помощи Переселенческаго Управленія было бы крайне трудно завести себѣ такія орудія уже по одному тому, что они дороги. Управленіе же продаетъ ихъ переселенцамъ изъ своихъ складовъ въ разсрочку, съ большими льготами и — что достойно вниманія — не безъ выгоды и для себя, при чемъ всѣ эти выгоды обращаются на расширеніе операций складовъ и на покупку новыхъ орудій болѣе крупными партіями.

Сельскохозяйственные склады, устроенные на специально отпущенныя изъ Государственнаго Казначейства средства, работаютъ уже 15 лѣтъ. За первое десятилѣтіе (1896—1906) они успѣли распространить земледѣльческихъ орудій, машинъ и сѣмянъ на сумму 9.625.560 р. и получили чистой прибыли 622.017 р. Въ теченіе послѣдняго пятилѣтія (1905—1910) число складовъ возросло съ 48 до 113, и дѣятельность ихъ распространяется теперь на всѣ переселенческіе районы за Ураломъ, а обороты ихъ достигаютъ въ среднемъ по 4,4 милліона въ годъ. Чистой прибыли за послѣднее пятилѣтіе получено 1.655.069 р., и прибыль эта, какъ уже замѣчено, употреблена на дальнѣйшее расширеніе дѣла.

При сельскохозяйственныхъ складахъ образованы продовольственный отдѣлъ, вѣдающій 22 казенными зернохранилищами. Эта продовольственная организація въ 1906—1910 годы выдала въ ссуды новоселамъ свыше двухъ милліоновъ хлѣба. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Енисейская губернія, Забайкальская и Приморская области и др.) открыты товаро-продовольственные лавки для того, чтобы переселенцы въ отдаленныхъ отъ культурнаго жилья мѣстностяхъ могли приобрѣтать по дешевой цѣнѣ предметы первой необходимости. Въ 1910 году оборотъ этихъ лавокъ достигъ почти 400.000 рублей.

Что касается врачебной помощи переселенцамъ, то и въ этомъ дѣлѣ мы видимъ быстро растущій прогрессъ. Въ 1906 году имѣлось 84 пункта поселковой врачебной помощи съ 40 врачами и 103 фельдшерами. Въ 1910 году мы видимъ, что цифры эти увеличились до 245 пунктовъ и 73 врачей, содержаніе же пунктовъ съ 443.522 р. возросло до 1.859.990 р.

Такъ же быстро растетъ число церквей и школъ въ новозаселяемыхъ мѣстахъ. Въ настоящее время имѣется уже свыше 400 школъ. Церкви строятся почти въ каждомъ сколько-нибудь поднявшемся надъ новью селеніемъ. Въ большинствѣ случаевъ это — простыя деревянныя строенія незатѣйливой архитектуры. Иногда встрѣчаются и простыя палатки. Вышность такой палатки-церкви очень проста: это — небольшой шатеръ изъ бѣлой парусины. Внутри его могутъ помѣститься человекъ 20—30. Алтарь отдѣленъ про-

стой занавѣской. Предъ Царскими вратами поставлены маленькія хоругви. Все это — простое, скромное, даже бѣдное, но общій видъ такой полотняной церковки очень отраднъ. На выставкѣ „Переселенческое Дѣло“ имѣлась такая церковь-палатка въ свою натуральную величину.

Не слѣдуетъ думать, что дѣло переселенія — дѣло легкое и несложное. Даже при наличности очень энергической помощи Переселенческаго Управленія переселенцамъ приходится затрачивать много силъ и энергіи на борьбу съ природой. Вооруженные денежными пособіями, снабженные запасомъ сѣмянъ, получившіе усовершенствованныя орудія переселенцы однако сплошь и рядомъ по прибытіи въ свою обѣтованную землю „сажаются на землю“ въ прямомъ значеніи этого слова: за неимѣніемъ жилищъ, они копаютъ себѣ самыя примитивныя землянки, покрываютъ ихъ сверху соломой или хворостомъ и живутъ въ нихъ иной разъ цѣлыми мѣсяцами. Проходитъ годъ, два года — и изъ одиночныхъ жалкихъ лачугъ и землянокъ вырастаютъ избы. Сначала одинъ „порядокъ“, потомъ другой, и, улица за улицей, вырастаетъ цѣлое село тамъ, гдѣ до этого времени была глухая тайга или пустынная степь. Очень характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ собою поселокъ „Славгородъ“, возникшій въ 1908 году въ Кулжинской степи (Томской губерніи, Барнаульскаго уѣзда). Приводимые нами рисунки изображаютъ быстрый ростъ этого поселка, въ которомъ въ 1908 году стояли только убогія землянки, а въ послѣдніе два года образовался большой поселокъ со значительнымъ числомъ жителей...

Всего труднѣе переселенцамъ устраиваться въ тайгѣ. Многовѣковый лѣсъ съ колоссальными пихтами и кедромъ упорно сопротивляется человѣческому труду. Приходится съ великими усиліями вырубать шагъ за шагомъ густую дѣвственную заросль, прокладывая широкія просѣки и приготавливая обширныя земельныя пространства подъ пахоту. Никакими машинами, никакими усовершенствованными способами до сихъ поръ не удается помочь переселенцамъ въ этомъ дѣлѣ. И лучшимъ способомъ борьбы съ тайгой служитъ выжиганье лѣсныхъ участковъ, — способъ варварскій, но, за неимѣніемъ другихъ, болѣе культурныхъ, способовъ, наиболѣе дѣйствительный. Огонь дѣлаетъ то, что не подъ силу человѣческимъ рукамъ. И тамъ, гдѣ руки отказываются валить на землю колоссальные кедры и выкорчевывать изъ земли богатые корни, вступаетъ въ дѣло огненная стихія...

Такъ совершается медлительное и многотрудное водвореніе новоселовъ на новыхъ мѣстахъ. На огромномъ пространствѣ дикихъ степей и лѣсовъ кипитъ героическая, почти стихійная борьба съ нетронутой человѣческими руками природой. Тысячи рабочихъ рукъ прорѣзаютъ тайгу дорогами, вырубаютъ и выкорчевываютъ сотни тысячъ десятины лѣсныхъ площадей; гдѣ прежде еще не ступала нога человѣка, строятъ мосты, роютъ колодцы... И тамъ, гдѣ была полная пустыня, мало-по-малу вырастаютъ селенія, поднимаются, какъ колосья Божьей нивы, церкви и школы, зеленѣютъ и колыхутся поля...

Переселяясь на новую родину, крестьяне внутреннихъ и южныхъ губерній приносятъ сюда свои привычки, свои обычаи и свой обычный трудъ. Иные поселки живо напоминаютъ путнику о Малороссіи: и бѣлыя мазанья хатки, и типичныя хохлацкія лица, и звучный южный говоръ... Въ другомъ селеніи васъ поразитъ бѣлорусскій говоръ; въ третьемъ вы встрѣтите основательныхъ, грубоватыхъ, но на рѣдкость толковыхъ и до всего доходчивыхъ вятичей. Войдите въ любую избу въ переселенческомъ селеніи, и вы увидите въ ней такую же точно обстановку, такой же бытъ и такія же работы, какъ и въ далекой Западной Россіи. Переселенцы принесли съ собой весь свой, вѣками освященный, укладъ, столь странный и чуждый этимъ степямъ, гдѣ до того времени только кочевали полудикіе сибирскіе инородцы...

Такъ создается, растетъ и крѣпнетъ на новыхъ мѣстахъ новая государственная и культурная мощь. Съ каждымъ годомъ новыя волны этой хлѣбопашеской крестьянской культуры набѣгаютъ на окраины Русской Земли и разливаются тамъ мощнымъ потокомъ... И милліоны десятины земли, колоссальныя площади, равныя цѣлымъ государствамъ, приобщаются къ государственной и экономической жизни нашей страны.

Н. К. Пимоненко. (Портр. на этой стр.).

27 марта с. г. въ Кіевѣ скончался извѣстный художникъ Николай Корнильевичъ Пимоненко, еще такъ недавно (въ 1910 году) справной дѣятельности.

Кончина этого талантливаго и яркаго художника—безспорно большая утрата для роднаго искусства. Покойный Н. К. Пимоненко въ качествѣ постоянного участника „Передвижныхъ выставокъ“ былъ хорошо извѣстенъ посѣтителямъ этихъ выставокъ, и картины его неизмѣнно привлекали къ себѣ общее вниманіе. Въ нихъ всегда было такъ много солнца, свѣта, тепла и мягкой поэзіи.

Н. К. Пимоненко былъ „дѣвцомъ Малороссіи“, поэтомъ ея людей и ея яркой и радостной природы. Содержаніемъ многочисленныхъ картинъ покойнаго художника служили сцены и типы изъ малороссійскаго быта и картины Украйны. Красивыя хохлушки, бравые парубки, сѣдоусые старики—вотъ главные персонажи картинъ Пимоненко. И всѣ они такъ полны жизни и такъ пронизаны и озарены солнцемъ своей прекрасной родины. Въ каждой картинѣ Пимоненко чувствуется эта насыщенность жизнью и солнцемъ, эта энергія свѣтлаго и красиваго бытія въ рамкахъ южной природы. Пышные вишневые сады, тихія, свѣтлыя заводи Днѣпра, мазанія бѣлыя хаты, сверкающія на знойномъ солнцѣ, пыльная, насквозь прожженная солнцемъ, площадь маленькаго городка, гдѣ собрались на базаръ хохлы и хохлушки, и гдѣ разставлены прямо на землѣ горшки и баклаги,—отъ всѣхъ этихъ картинъ вѣетъ привольемъ прекраснаго юга и

свѣжимъ воздухомъ и здорovia на свѣту и въ теплѣ.

Н. К. Пимоненко родился въ Кіевѣ въ 1862 году. Свое дѣтство онъ провелъ въ деревнѣ, на лонѣ прекрасной и цвѣтущей природы, которая и научила его прежде всякихъ учителей и школъ любить прекрасное и понимать красоту въ ней самой и въ людяхъ.

По возвращеніи изъ деревни въ Кіевъ, Н. К. Пимоненко поступилъ въ мѣстную рисовальную школу, гдѣ прошелъ курсъ первоначальнаго рисованія. А оттуда онъ потомъ перешелъ въ Академію Художествъ. Но болѣзнь заставила молодого художника покинуть Петербургъ и снова переселиться въ свой родной городъ и тамъ поступить на должность преподавателя въ ту же самую школу, въ которой учился самъ.

Н. К. Пимоненко успѣшно дѣлилъ время между педагогическими занятіями и собственнымъ художественнымъ самообразованіемъ. Упорно и неустанно работая надъ своимъ талантомъ, молодой художникъ вскорѣ былъ увѣнчанъ первымъ крупнымъ успѣхомъ: въ 1885 году имъ была написана и выставлена первая его картина „Галерка“, и картина эта, сразу обратившая на себя общее вниманіе своей свѣжестью и яркой талантливостью, была вскорѣ приобретена извѣстнымъ меценатомъ Терещенко для его галереи.

Съ этого времени началась настоящая художественная дѣятельность Н. К. Пимоненко. Начиная съ упомянутаго 1885 года и до 1893 года, покойный художникъ участвовалъ въ академическихъ выставкахъ, а съ 1893 года сталъ постояннымъ участникомъ Товарищества передвижныхъ выставокъ, гдѣ стоялъ до конца своей жизни.

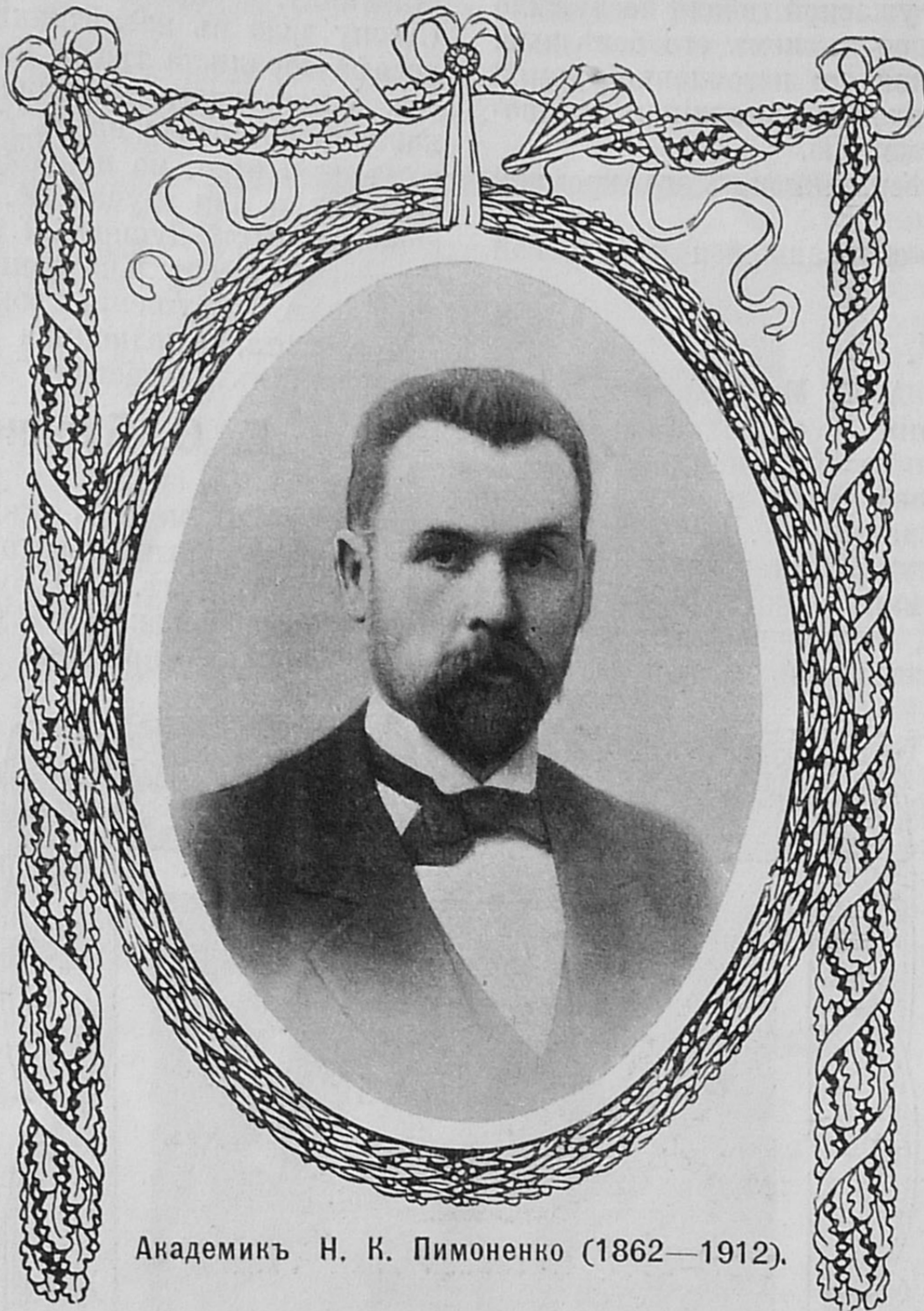
Вмѣстѣ съ Васнецовымъ, Котарбинскимъ и другими художниками Н. К. Пимоненко принималъ дѣятельное участіе въ расписываніи знаменитаго собора св. Владиміра въ Кіевѣ и за эту работу былъ удостоенъ въ 1897 году Высочайшей награды.

Въ 1904 году Академія Художествъ избрала Н. К. Пимоненко за его художественные труды въ число академиковъ живописи. Это избраніе очень порадовало покойнаго: оно обозначало для него хотя и поздній, но все-таки радостный возвратъ въ академическую среду, изъ которой такъ неожиданно и насильственно удала его болѣзнь.

Въ послѣдніе годы Н. К. Пимоненко сталъ принимать видное участіе въ художественной жизни Западной Европы. Его картины появлялись на заграничныхъ выставкахъ—въ Парижѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ. Картина „Гопакъ“, появившаяся на одной изъ парижскихъ картинныхъ выставокъ, доставила художнику почетный отзывъ. Громадный успѣхъ имѣла на выставкѣ въ мюнхенскомъ „Стекланомъ Дворцѣ“ картина Н. К. Пимоненко „Страстной четвергъ“, и художникъ тогда же былъ избранъ въ члены „Münchener Künstler-Genossenschaft“. Въ 1909 году онъ былъ избранъ также и въ члены парижскаго „Union Internationale des Beaux Arts et des Lettres“.

До самой своей кончины Н. К. Пимоненко постоянно жилъ въ своемъ родномъ Кіевѣ. Чрезвычайно скромный въ своей жизни и въ излюбленной имъ дѣятельности, не гоняясь за извѣстностью и рекламой, онъ упорно и любовно дѣлалъ свое красивое дѣло, знакомя насъ со своими украинцами и съ Украйной и неустанно воспѣвая красоту родной страны.

Число картинъ, написанныхъ покойнымъ художникомъ, громадно. Онъ оставилъ большое и прекрасное наследство русскому искусству.

Академикъ Н. К. Пимоненко (1862—1912).

А. И. Косоротовъ. (Портр. на этой стр.).

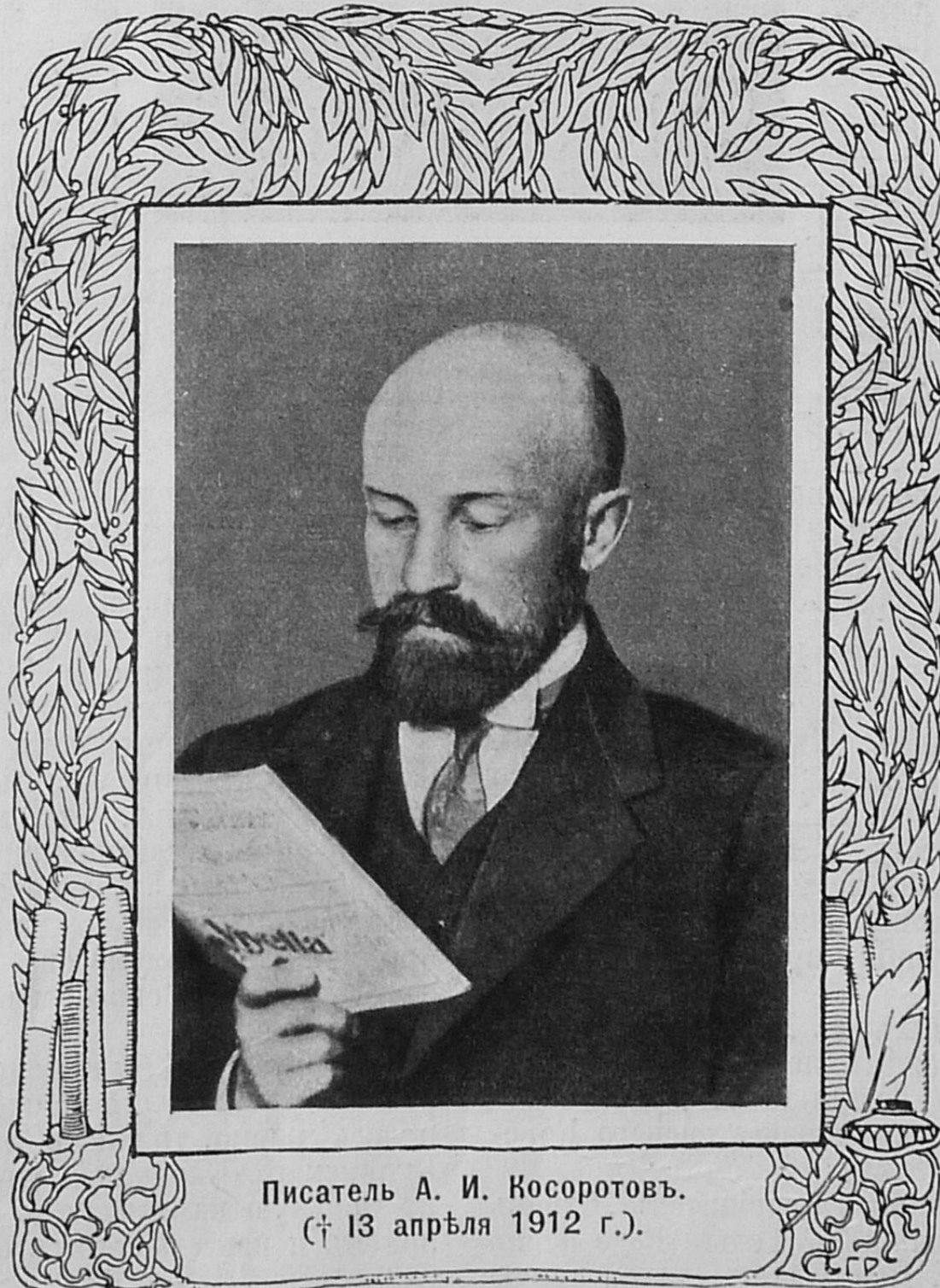
Въ ночь на 13 апрѣля с. г. трагически погибъ, наложивъ на себя руки, извѣстный драматургъ и беллетристъ Александръ Ивановичъ Косоротовъ.

Покойный писатель обладалъ очень разностороннимъ талантомъ. Кромѣ писательской сферы, онъ не былъ чуждъ сценѣ и былъ хорошимъ художникомъ. Пользуется извѣстностью превосходный, написанный имъ, портретъ писателя Терпигорева-Атавы. Выступалъ онъ также и въ качествѣ художественнаго критика, не чуждался и публицистики. Въ концѣ 90-хъ годовъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ газетѣ „Новое Время“, гдѣ помѣщалъ фельетоны, художественныя рецензіи, мелкія статьи и наконецъ двѣ прекрасныя повѣсти изъ гимназической жизни: „Забитая калитка“ и „Вавилонское столпотвореніе“. Эти двѣ повѣсти были первымъ крупнымъ и весьма удачнымъ выступленіемъ покойнаго писателя въ области художественной беллетристики. Онѣ создали А. И. Косоротову имя и привлекли къ нему симпатіи читающей публики.

Нѣсколько позднѣе А. И. Косоротовъ состоялъ парижскимъ корреспондентомъ „Новаго Времени“, но по болѣзни вернулся въ Петербургъ. А вскорѣ послѣ того (въ началѣ 1900-хъ годовъ) онъ выступилъ и въ качествѣ драматурга. Первая изъ его пьесъ—„Коринское чудо“—была поставлена въ Литературно-Художественномъ театрѣ и имѣла большой успѣхъ. За ней послѣдовалъ „Весенній потокъ“, прославившій автора и не сходящій со сцены

и донинѣ, особенно въ провинціи. Далѣе, А. И. Косоротовымъ были написаны „Княжна Зоренька“—сказка въ стихахъ, поставленная въ Народномъ Домѣ въ Петербургѣ, и „Мечта любви“, шедшая въ минувшемъ сезонѣ на сценѣ театра „Комедія“.

Покойный писатель пользовался искренней любовью среди всѣхъ, кто его зналъ. Онъ отличался рѣдкой сердечностью, скром-

Писатель А. И. Косоротовъ.
(† 13 апрѣля 1912 г.).

ностью, доброжелательностью. Совершенно чуждый какой бы-то ни было практической изворотливости и умѣнья приспособляться къ обстоятельствамъ, онъ терпѣлъ, особенно въ послѣднее время, большую нужду, несмотря на то, что его произведенія имѣли успѣхъ. Ближайшей же причиной его ужасной гибели послужило глубоко-удрученное состояніе, вызванное въ немъ его болѣзнью. Болѣзнь удручала его, не давала покоя его истомленной душѣ: онъ не могъ спокойно работать въ такомъ состояніи и предпочелъ спастись отъ тяжелой болѣзни... смертью.

Утромъ 13 апрѣля с. г. его нашли повѣсившимся въ его скромной мебелированной комнатѣ въ Лѣсномъ.

Жаль его. Жаль такъ безвременно-оборвавшейся творческой прекрасной жизни.

„Фіорды“.

(X сборникъ. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ).

Въ послѣдній, только что вышедшій X сборникъ „Фіорды“ входят произведенія двухъ, совершенно еще неизвѣстныхъ у насъ, скандинавскихъ писателей: Якова Буля и Гельге Роде. Первый изъ нихъ норвежець, второй датчанинъ.

Яковъ Буль выступаетъ предъ русскими читателями съ романомъ „Торжество жизни“. Этотъ романъ — послѣднее крупное произведеніе талантливаго норвежца, составившаго себѣ имя главнымъ образомъ бытовыми рассказами изъ жизни далекаго Сѣвера. Въ данномъ романѣ онъ показалъ новыя стороны своего прекраснаго дарованія и изобразилъ совсѣмъ иную среду — жизнь и бытъ современной столичной богемы.

„Торжество жизни“ соединяетъ въ себѣ остроумную попытку разрѣшенія міровой проблемы съ социологическими вопросами. Герой романа, молодой писатель Гансъ Виллюмъ, видитъ и признаетъ торжество жизни въ распущенности и потворствѣ грубымъ инстинктамъ физической природы человѣка. Онъ удивляется, почему бы людямъ не признаться „съ царственной прямою въ своей жаждѣ жизни, въ своемъ животномъ происхожденіи и не ринуться съ открытымъ лицомъ въ жаркую вакханалію въ вертоградѣ чувственной жизни“... Скептикъ и циникъ, Гансъ Виллюмъ служитъ своему убѣжденію словомъ и дѣломъ, не упуская никогда случая постоять за права жизни и молодости.

Въ противоположность его взгляду на „торжество жизни“, авторъ видитъ торжество жизни совсѣмъ въ иномъ: въ медленномъ трудѣ силъ природы, постоянно работающей надъ замѣною всего того, что умираетъ и отпадаетъ отъ Древа Жизни, новыми побѣгами и новой жизнью. „Глубоко въ нѣдрахъ вѣчно торжествующей жизни работаютъ силы вѣка. Въ тишинѣ строятъ и создаютъ, въ безмолвіи разрушаютъ до основанія и вновь воздвигаютъ. Онѣ — вѣчно смѣняющіеся слуги вѣчной жизни и убирающіе прочь остатки. Онѣ приносятъ неугомонные побѣги весны, цвѣты лѣта, спѣлые плоды осени. Онѣ же разстилаютъ бѣлое покрывало зимы надъ задремавшей жизнью“...

Съ точностью философа и психолога, авторъ „Торжества жизни“ соединяетъ и разрабатываетъ въ романѣ оба эти взгляда въ устахъ разныхъ дѣйствующихъ лицъ. Интереснымъ лицомъ въ романѣ является молодая дѣвушка, Инга Боргъ, въ которую влюбляется Гансъ Виллюмъ. Эта дѣвушка смѣло отвергаетъ все посягательства Виллюма на свою чистоту и проповѣдуетъ иной взглядъ на женщину — какъ на существо равноправное съ мужчиной и добывающееся тѣхъ же социальныхъ и этическихъ идеаловъ, какихъ добиваются и лучшіе представители сильнаго пола.

Второе изъ произведений, вошедшихъ въ X сборникъ „Фіордовъ“ — драма „Два графа“ — принадлежитъ перу также еще неизвѣстнаго у насъ датскаго писателя — Гельге Роде. Драма эта — одна изъ наиболѣе выдающихся новинокъ копенгагенскаго Королевскаго театра, имѣвшая крупный успѣхъ.

„Два графа“ — одинъ изъ многочисленныхъ вариантовъ „Отцовъ и дѣтей“. Но надо сознаться, что вариантъ Гельге Роде очень оригиналенъ и своеобразно задуманъ. Пьеса даетъ талантливую иллюстрацію извѣстнаго положенія, что наиболѣе яркія индивидуальности какъ бы истощаютъ силы рода, и прямые потомки противоположными своимъ отцамъ, слабыми и неуравновѣшенными.

Оба графа, фигурирующіе въ драмѣ — идеалистъ и моралистъ графъ Бонде (очень напоминающій Л. Н. Толстого) и его антиподъ, циникъ и хищникъ, графъ Стеенъ — люди ярко выраженной

индивидуальности. И оба они на закатѣ своихъ дней видятъ крушеніе своихъ взглядовъ и убѣжденій въ образѣ мыслей и въ поступкахъ своихъ дѣтей. Жизнь какъ-будто съ нарочитою ироніей перемѣшала отпрыски двухъ могучихъ дубовъ: типичному собственнику, собирателю и властелину, сѣятельному хищнику графу Стеену дала въ наслѣдники болѣзненнаго поклонника идей философа-моралиста графа Бонде, отрицающаго право собственности, а послѣдняго наградила тремя сыновьями, которые въ концѣ концовъ не только не въ состояніи подняться до духовной высоты идей отца, но и проявляютъ изрядную слабость къ благамъ земнымъ и при случаѣ не прочь приумножить свои достатки за счетъ другихъ. Душевный кризисъ, вызываемый столкновениями съ дѣтьми, смертельно ранитъ обоихъ отцовъ. Оба они не выдерживаютъ крушенія своихъ надеждъ и упованій.

Драма эта, исполненная яркихъ жизненныхъ сценъ, читается съ большимъ интересомъ отъ начала до конца.

Е. О. Буринскій. (Портр. на стр. 363).

18 марта с. г. скончался ученый фотографъ Е. О. Буринскій, создатель новаго метода судебной экспертизы — совершенно оригинальнаго и убѣдительнаго и получившаго громадное значеніе въ судебномъ дѣлѣ. Е. О. Буринскій совершилъ настоящій переворотъ въ судебной экспертизѣ документовъ, обратившись къ помощи фотографіи и совершенно разгромивъ устарѣлую прежнюю каллиграфическую экспертизу, представителями которой были учителя чистописанія и граверы... То, что прежде являлось сплошь и рядомъ результатомъ случайнаго усмотрѣнія и фантазіи, стало, благодаря научному и безупречно объективному фотографическому способу Буринскаго, точными данными, противъ которыхъ уже невозможно становилось возражать. Фотографія раскрывала все тайны документовъ, обнаруживала съ непогрѣшимой очевидностью все подчистки, приписки, всякую фальшь въ документѣ, иной разъ совершенно недоступную для простаго глаза. Прекрасный фотографъ, знающій химикъ и человѣкъ науки въ полномъ смыслѣ этого слова, Е. О. Буринскій впервые поставилъ судебную экспертизу документовъ на прочное основаніе. Нѣкоторыя изъ произведенныхъ покойнымъ судебныхъ экспертизъ напечатаны въ качествѣ отдѣльныхъ монографій и производятъ впечатлѣніе настоящихъ ученыхъ диссертаций: такъ много въ нихъ логической стройности, знанія дѣла, блестящаго анализа.

Являясь глубокимъ знатокомъ научной фотографіи, Е. О. Буринскій примѣнялъ открытый имъ методъ фотографической экспертизы не только въ судебномъ дѣлѣ, но и въ другихъ областяхъ знанія: въ медицинѣ, астрономіи, археологіи, ботаникѣ и т. д. Методъ фотографическаго изслѣдованія всюду давалъ самые блестящіе результаты. Особенной извѣстностью пользуется работа Е. О. Буринскаго по возстановленію такъ называемыхъ кожаныхъ рукописей эпохи Дмитрія Донскаго, найденныхъ въ землѣ подъ московскимъ Кремлемъ. Эти рукописи считались недоступными для прочтенія — но явился Буринскій со своей фотографіей и „возстановилъ“ текстъ таинственныхъ рукописей...

Результатомъ научныхъ работъ Буринскаго явилась его замѣчательная, классическая въ своемъ родѣ, книга „Судебная экспертиза документовъ“. Эта книга, считающаяся единственною въ своемъ родѣ и установившая новыя начала въ дѣлѣ экспертизы, переведена на нѣсколько языковъ.

За свои научные труды Е. О. Буринскій получилъ въ 1898 году премію имени Ломоносова, при чемъ Академія Наукъ признала его фотографическіе способы изслѣдованія „не уступающими свойству микроскопа“.

Е. О. Буринскій былъ почетнымъ членомъ многихъ обществъ, которыя награждали его также и медалями. Въ текущемъ году исполнялось ровно тридцать лѣтъ учено-общественной дѣятельности Буринскаго. Скончался онъ 63 лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ прекрасную память, какъ горячо преданный любимому дѣлу человѣкъ и какъ человѣкъ отзывчивый и сердечный.

Жюль Ведринъ. (Портр. на стр. 363).

17 апрѣля с. г. телеграфъ принесъ извѣстіе о происшедшемъ нападѣннѣ (т.-е. 16 апрѣля) несчастіи съ знаменитымъ французскимъ авіаторомъ Жюлемъ Ведринымъ. Прославившійся на весь міръ изумительной смѣлостью своихъ полетовъ, Жюль Ведринъ упалъ во время своего полета близъ желѣзнодорожной станціи Эпинъ на Сенъ (недалеко отъ Парижа) и при паденіи проломилъ себѣ

Композиторъ А. К. Глазуновъ,
директоръ С.-Петербургской Консерваторіи, избранный заслуженнымъ профессоромъ.

черепъ. Авиатора считали тогда погибшимъ, положеніе его признавалось безнадежнымъ, но въ послѣднее время явилась надежда, что Ведринъ останется живъ. Французское правительство прирания, полученныя во время военныхъ дѣйствій: ему пожалованъ орденъ Почетнаго Легіона. И надо сознаться, что Ведринъ дѣйствительно заслуживаетъ этой награды.

Подробности его паденія таковы: Ведринъ пожелалъ въ теченіе одного дня—отъ восхода и до заката солнца—пролетѣть изъ Брюсселя въ Мадридъ. Въслѣдствіе нѣкоторыхъ задержекъ онъ полетѣлъ не изъ Брюсселя, а изъ Дуэ. Поднявшись на аэропланъ изъ этого города въ 5 часовъ утра 16 апрѣля, Ведринъ сразу взялъ очень большую скорость, чтобы успѣшнѣе бороться съ воздушными теченіями, и быстро понесся по направлению къ Парижу. Около 6-ти часовъ утра его уже видѣли недалеко отъ Парижа надъ желѣзнодорожной станціей Эпинэ. Тогда же, на глазахъ у этихъ случайныхъ зрителей, съ аппаратомъ Ведрина что-то произошло, и авиаторъ сталъ быстро спускаться. Во время этого, очевидно, вынужденнаго спуска аппаратъ ударился крыломъ о телеграфный столбъ, затѣмъ наткнулся на желѣзнодорожный вагонъ, стоявшій на запасномъ пути, и упалъ на рельсы. Ведринъ лежалъ съ окровавленной головой прямо на рельсахъ. Какъ разъ въ этотъ моментъ подходилъ на вѣхъ паракъ поѣздъ, и только благодаря находчивости и хладнокровію машиниста Ведринъ не былъ раздавленъ. Поѣздъ былъ остановленъ въ самое послѣднее мгновеніе.

Жюль Ведринъ по своему происхожденію—простой мастеровой. Онъ служилъ механикомъ въ авіаціонной школѣ Блеріо въ По. Научившись летать, онъ сразу обратилъ на себя общее вниманіе отчаянной смѣлостью своихъ полетовъ, особенно послѣ его выдающагося перелета изъ По въ Парижъ въ началѣ 1911 года. Всесвѣтную извѣстность Ведринъ приобрѣлъ послѣ своего знаменитаго перелета изъ Парижа въ Мадридъ. Изъ семи состязавшихся только онъ одинъ перелетѣлъ черезъ Пиренеи и благополучно достигъ испанской столицы.

Не такъ давно Ведринъ собирался летѣть изъ Парижа... въ Пекинъ,—громадный перелетъ, организуемый французской газетой „Matin“ на пожертвованный ею огромный призъ. Несчастный случай на рельсахъ близъ станціи Эпинэ помѣшалъ ему въ этомъ грандіозномъ авіаторскомъ замыслѣ. Но если Ведрину суждено поправиться, этотъ замыселъ легко можетъ оказаться дѣйствительностью. Этому порукой поразительная предприимчивость и энергія неустранимаго французскаго летуна.

Государственная Дума о ленской катастрофѣ.

(Вопросы внутренней жизни).

Всѣ фракціи Гос. Думы горячо отозвались на ужасное событіе, которое такъ глубоко потрясло русское общество. И немудрено: народное представительство есть прежде всего представительство государственной мысли и живой государственной совѣсти. Наша государственная совѣсть угнетена страшнымъ призракомъ совершенно неожиданнаго и для общества и для власти кроваваго финала мирной экономической забастовки, подавлена мучительнымъ подозрѣніемъ о ненужномъ и неоправдываемомъ государственною необходимостью кровопролитіи. Человѣческую кровь, свою родную, русскую кровь мы по долгу христіанства и патриотизма обязаны цѣнить и охранять превыше всего въ мірѣ, и мысль, что она пролита совершенно зря, безъ всякой нужды, — лишаетъ спокойствія миллионы русскихъ людей. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ Гос. Дума предъявила запросъ правительству и съ понятною торопливостью наше правительство точасъ же по полученіи запроса поспѣшило дать посильный отвѣтъ. Первымъ выступилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, А. А. Макаровъ, вторымъ—

министръ торговли и промышленности, С. И. Тимашевъ. Несмотря на то, что оба оратора состоятъ членами объединеннаго кабинета и, слѣдовательно, должны были бы еще передъ появленіемъ на думской трибунѣ столкнуться въ выборѣ общей позиціи правительства или выйти изъ состава кабинета въ томъ случаѣ, если личное убѣжденіе и совѣсть не позволяютъ примкнуть къ мнѣнію правительственнаго большинства,—они рѣзко разошлись между собою въ оцѣнкѣ ленскихъ событій: А. А. Макаровъ утверждалъ, что забастовка съ самаго начала своего уже по составу руководителей, принадлежащихъ къ крайнимъ революціоннымъ партіямъ, приняла политическій и даже социаль-революціонный характеръ, а С. И. Тимашевъ на основаніи чисто фактическихъ донесеній мѣстныхъ агентовъ министерства доказывалъ, что она была совершенно мирной и ни на минуту не сходила съ чисто-экономической почвы. Дѣйствительно, всѣ 15 пунктовъ требованій рабочихъ, обнародованныхъ въ газетахъ, включая и требованіе 8-часового рабочаго дня, который не можетъ длиться дольше этой максимальной нормы въ тяжелыхъ условіяхъ подземной работы по колѣни въ студеной водѣ, и требованія повышения заработной платы, цѣликомъ поглощаемой высокой оцѣнкой продуктовъ казенныхъ лавокъ Ленскаго товарищества, и даже требованіе вѣжливаго обращенія и упраздненія принудительныхъ работъ женъ присковокъ рабочихъ въ квартирахъ присковокъ администраторовъ,—всѣ эти требованія не представляютъ собою ровно ничего „политическаго“. Если заправила Ленской компаніи съ самаго начала забастовки старались придать ей политическій характеръ и настойчиво требовали вмѣшательства вооруженной силы, то исключительно ради того, чтобы прикрыть красными флагами свою собствен-

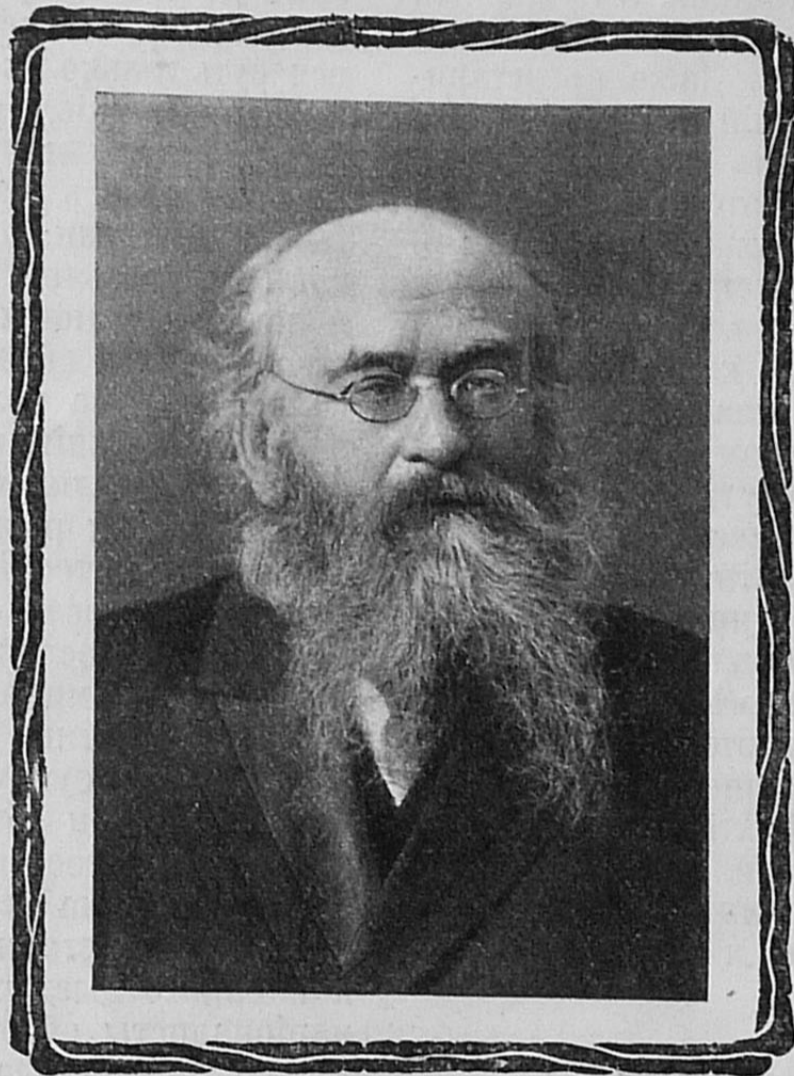
ную вину передъ рабочими и государствомъ.

Официальныя данныя устанавливаютъ, что вина эта была очень серьезная. Въ нарушеніе всѣхъ требованій закона, ленская администрація расплачивалась съ рабочими не деньгами, а талонами, вынуждала ихъ по этимъ талонамъ покупать продукты въ лавкахъ товарищества, т.-е., въ сущности, расплачивалась за трудъ скверными товарами по высокой оцѣнкѣ, допускала преступныя формы эксплуатаціи рабочихъ, кормила ихъ плохими продуктами, вызывавшими заболѣванія цынгой, отказывала въ достаточной медицинской помощи и т. д., и т. д. Сколько-нибудь объективная, безпристрастная и добросовѣтная оцѣнка событій не можетъ игнорировать этихъ данныхъ, не можетъ закрывать глаза на дѣйствительность.

Строго фактическія заявленія министра С. И. Тимашева сразу нашли полное довѣріе во всѣхъ фракціяхъ Гос. Думы.

Несравненно меньшій ораторскій успѣхъ выпалъ на долю министра внутреннихъ дѣлъ. Рисую картину наступательныхъ дѣйствій возбужденной трехтысячной толпы, вооруженной камнями и кольями, послѣ перваго залпа ринувшейся на немногочисленный отрядъ войска съ крикомъ: „ура!“, А. А. Макаровъ, желая оправдать вынужденныя дѣйствія

отряда войскъ, въ пылу полемики обронилъ фразу: „такъ было и такъ будетъ всегда.“ Его послѣднія слова, разумѣется, имѣли въ виду подтвердить необходимость самозащиты войска отъ нападеній бунтующей толпы, но общество поняло ихъ иначе—какъ безусловное оправданіе кровавой ленской расправы, какъ провозглашеніе самыхъ суровыхъ мѣръ подавленія даже мирныхъ экономическихъ забастовокъ, допущенныхъ дѣйствующимъ закономъ. Такое превратное толкованіе словъ министра основано на очевидномъ недоразумѣніи. А. А. Макаровъ—слишкомъ испытанный юристъ и строгій законникъ для того, чтобы провозгласить право подавленія оружіемъ мирныхъ забастовокъ. Онъ не можетъ сочувствовать залповой стрѣльбѣ по мирной толпѣ и считать желательнымъ примѣненіе оружія безъ крайней государственной необходимости. Его разногласіе съ русскимъ обществомъ коренится

Е. О. Буринскій (1846—1912).

Авиаторъ Жюль Ведринъ, упавшій и тяжело разбившійся 16 апрѣля с. г. въ Эпинэ, во время полета (на монопланѣ) изъ Дуэ въ Мадридъ.

Военный летчикъ Севастопольской школы авіаціи подпор. В. Альбокринновъ, разбившійся на смерть при паденіи во время перелета въ Джанкой, 7 марта с. г.

Жертвы авіаціи.

не въ области морально-гражданскихъ вопросовъ, а въ области фактической оцѣнки ленскихъ событий. Повидимому, онъ выступилъ передъ Гос. Думой съ очень неполными фактическими данными и руководствовался односторонними и невѣрными донесеніями мѣстныхъ агентствъ министерства. По крайней мѣрѣ нѣсколько дней спустя въ газетахъ уже появилась телеграмма инженера Тульчинскаго, свидѣтельствующая, что никакихъ колебъ и камней у рабочихъ не было, и что они не питали враждебныхъ намѣреній, а шли подавать прошеніе товарищу прокурора объ освобожденіи арестованныхъ товарищей. Въ ужасный моментъ разстрѣла г. Тульчинскій находился въ толпѣ рабочихъ, и его свидѣтельству нѣтъ основаній не вѣрить. Даже представитель социаль-демократической фракціи, отвѣчавшій на рѣчь А. А. Макарова, не отрицалъ права войскъ употреблять оружіе противъ нападающей толпы, тѣмъ болѣе не отрицается этого права и все русское общество, — но совѣтъ его томится сознаниемъ, что въ данномъ случаѣ кровопролитіе было допущено безъ всякой нужды и оправдывающей необходимости. При всегда возможной разногласіи мѣстныхъ донесеній въ концѣ концовъ всѣ стороны должны прійти къ какому-нибудь единогласному рѣшенію. Разногласія между обществомъ и правительствомъ возможны въ чисто фактической оцѣнкѣ событий, но не могутъ и никогда не должны переходить въ область гражданско-этическихъ вопросовъ. Законъ, право и мораль обязаны одинаково чтить обѣ стороны, и та страна, въ которой нѣтъ моральнаго единомыслія между народомъ и властью, уже выбита изъ нормальной колеи гражданской жизни, она находится въ хаотическомъ состояніи внутренней борьбы и гражданского распада. Съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать заявленіе С. И. Тимашева въ Гос. Думѣ о томъ, что для устраненія разногласій въ фактической оцѣнкѣ событий будетъ назначено строгое разслѣдованіе, во главѣ котораго будетъ поставлено лицо, облеченное высокими полномочіями. Гос. Дума съ одобреніемъ приняла заявленіе и рѣшила ждать результатовъ разслѣдованія.

Мирный курсъ русской политики.

(Политическое обозрѣніе).

Выступленіе министра иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонова въ Гос. Думѣ вызвало шумные толки въ русской и заграничной прессѣ. Сановный ораторъ очутился въ положеніи библейскаго пророка: рѣчь его встрѣтила самую лестную оцѣнку за границей, но не нашла сочувственнаго отклика на родинѣ. Наиболѣе вліятельная русская націоналистическая печать глубоко недовольна возмущенною министромъ пассивностью русской политики, ея слишкомъ подчеркнутымъ миролюбіемъ во что бы то ни стало и формальнымъ отреченіемъ отъ какихъ бы то ни было завоевательныхъ задачъ. Такою, разумѣется, и должна быть практическая политика государства, еще не оправившагося отъ тяжелыхъ неудачъ, не закончившаго преобразования своихъ военныхъ силъ. Настолько ли Россія внутренне окрепла, чтобы быть въ силахъ приступить къ активному рѣшенію своихъ великихъ историческихъ задачъ на Западѣ и на Востокѣ? Пусть наши воинственные публицисты сдѣлаютъ точный подсчетъ внутренней реформаціонной работы за послѣдніе годы и, положивъ руку на сердце, отвѣтятъ на поставленный вопросъ.

Ихъ главная и основная логическая ошибка заключается въ томъ, что они какъ бы забываютъ или упускаютъ изъ виду ту непосредственную связь, въ которой внѣшняя политика государства находится съ его внутреннимъ состояніемъ. Здравая и реальная оцѣнка политики не можетъ быть слишкомъ догматической: хороша, молъ, завоевательная политика, плоха политика мирная. Увы, это совѣтъ не дѣло личнаго вкуса и личнаго темперамента. Стоить проявить немножко здраваго смысла и горячей любви къ отечеству — и мы тотчасъ же распростимся со своимъ воинственнымъ или миролюбивымъ лиризмомъ, измѣнимъ самые методы политическаго мышленія, отъ субъективныхъ вкусовъ перейдемъ къ объективной оцѣнкѣ положенія и скажемъ, что идеально хорошая политика будетъ не воинственная или миролюбивая, а такая, которая наиболѣе соответствуетъ общему внутреннему состоянію государства и соотношенію его силъ съ силами противниковъ.

„Не надо забывать, — сказалъ С. Д. Сазоновъ: — что Россія — держава европейская, что государственность наша сложилась не на берегахъ Чернаго Иртыша, а на берегахъ Днѣпра и Москвы-рѣки. Увеличеніе русскихъ владѣній въ Азіи не можетъ составлять цѣли нашей политики, — это повело бы къ нежелательной сдвигкѣ центра тяжести въ государствѣ и, слѣдовательно, къ ослабленію нашего положенія въ Европѣ и на Ближнемъ Востокѣ...

Нельзя присоединять пограничныя съ нами земли только потому, что это можно сдѣлать безъ большого для себя риска“.

То обстоятельство, что Русское государство зародилось на берегахъ Днѣпра и Москвы, до сихъ поръ не мѣшало ему расти и на западъ и на востокъ, на югъ и на сѣверъ, упираясь въ Балтійское море и въ Тихій океанъ, въ теплыя воды Чернаго моря и въ студеныя воды Ледовитаго океана. Сдвигка центра тяжести, столь пугающая С. Д. Сазонова, сама по себѣ нисколько не угрожаетъ потерей равновѣсія и паденіемъ съ чувствительными ушибами до тѣхъ поръ, пока внѣшній ростъ государства находится въ добромъ согласіи съ его внутреннею крѣпостью. Повторяемъ: вся суть только въ послѣдней. Присоединяя къ своимъ владѣніямъ Казань, Сибирь, Уралъ, Донъ, Крымъ, Кавказъ, Закаспійскій край, Хиву, Бухару и пр., Россія до сихъ поръ не потеряла равновѣсія, но становилась все болѣе сильной, крѣпкой и устойчивой. Захватывая пустыни, она колонизировала ихъ, щедро надѣляла казаковъ и крестьянъ землею и приобрѣтала въ лицѣ ихъ все новые и новые миллионы защитниковъ. Расширеніе владѣній, существовавшее и силамъ и нуждамъ русскаго народа, шло вовсе не во вредъ, а на пользу и на благо Россіи и обезпечило за будущими поколѣніями русскихъ гражданъ огромную часть земной суши, гдѣ великое славянское племя будетъ свободно работать, расти, жить и развиваться у себя дома. Очевидно, что физико-политическая теорія С. Д. Сазонова находится въ полномъ противорѣчьи и со всей прошлой исторіей и съ грядущими завѣтами Россіи. Она сослужила плохую службу министру, потому что для защиты его миролюбивой политики она была совершенно не нужна. Политика С. Д. Сазонова, къ счастью, несравненно лучше его неудачной аргументаціи. Она основывается не на шаткой теоріи „сдвигки центра“, а на практическомъ учетѣ внутренняго состоянія государства. Она, быть-можетъ, не годится, какъ завѣтъ на всѣ предбудущія времена, но вполне хороша для настоящаго историческаго момента, для всего періода еще незаконченнаго выздоровленія Россіи. Самые пылкіе и воинственные націоналисты обязаны признать, что агрессивные шаги хороши только тогда, когда ихъ не приходится дѣлать назадъ. Наша недавняя завоевательная политика на Дальнемъ Востокѣ была плоха не тѣмъ, что носила агрессивный характеръ, а тѣмъ, что была плохо сообразована съ нашими военными, культурными и государственными ресурсами, и потому закончилась не завоеваніями новыхъ территорий, а утратой половины Сахалина и потерей множества драгоценныхъ жизней. Какъ лицо, отвѣтственное передъ страной и исторіей, министръ иностранныхъ дѣлъ не можетъ забывать уроки столь недавняго прошлаго.

Къ рисункамъ.

Настоящій № „Нивы“ посвященъ послѣдней *весенней выставкѣ* въ Академіи Художествъ.

„Жилище грознаго бога“ В. Федоровичъ — эффектный фантастическій пейзажъ: уходящая куда-то въ вышину дикая скала съ обрывистыми берегами, мрачный лѣсъ по склонамъ горъ, тихая и какъ бы притаившаяся предъ грозой вода — все это даетъ настроеніе какой-то старинной мистической легенды, изшедшей изъ глубины вѣковъ...

Другіе воспроизводимые нами пейзажи съ этой выставки отличаются болѣе свѣтлымъ и реальнымъ характеромъ: „Гешта“ (Римъ) М. Демьянова, „Развалины городской стѣны надъ р. Псковой“ А. Петрова и „Колоннада Дожей“ А. Лаховскаго говорятъ намъ объ извѣстныхъ географическихъ мѣстностяхъ, залитыхъ весеннимъ солнцемъ и исполненныхъ своеобразной красоты и живописности. Такъ же много солнца и въ пейзажѣ Н. Шестопалова „Рыбачьи суда“.

Далѣе мы воспроизводимъ два жанра: „Въ купальнѣ“ (этюды тѣла) С. Дудина и „За работой“ Э. Баклундъ и цѣлый рядъ образчиковъ портретной живописи: „Этюды“ И. Дроздова, „Портретъ артиста Н. Мартыненко“ Е. Чепцова, „Портретъ художника Г. Горьлова“ А. Любимова, „Портретъ матери“ С. Теплякова и „Женская головка“ С. Слободянюка-Подольяка.

Большая картина К. Вещилова „Начало конца“ носитъ символическій характеръ. Предъ нами Наполеонъ, стремительно уходящій со своими двадцатью языками обратно изъ Россіи, по снѣжнымъ равнинамъ, по опустошенной и заваленной трупами Можайской дорогѣ. Ему сопутствуетъ въ этомъ бѣгствѣ Смерть, а надъ его головой встаетъ съ огненнымъ мечомъ Геній Судьбы и указываетъ ему въ грядущемъ Ватерлоо и Святую Елену... И мчится въ своемъ дикомъ полетѣ могущественная нѣкогда армія, принесшая нашей странѣ такъ много страданія, которое превратилось потомъ въ нашу незабываемую славу...

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Марго. Разсказъ Б. П. Никонова (Окончаніе). — Стихотвореніе Филарета Чернова. — Жемчужное ожерелье. Разсказъ Дм. Крачковскаго. — Гибель парохода „Титаникъ“. — Цѣпи. Стихотвореніе Е. Федотовой. — На новыя мѣста. Очеркъ Георгія Аркатова. (Окончаніе). — Н. К. Пимоненко. — А. И. Косоротовъ. — Фіорды. — Е. С. Буринскій. — Жюль Ведринъ. — Государственная Дума о ленской катастрофѣ (Вопросы внутренней жизни). — Мирный курсъ русской политики (Политическое обозрѣніе). — Къ рисункамъ. — Объявленія.

РИСУНКИ: Жилище грознаго бога. — Весенняя выставка картинъ въ Императорской Академіи Художествъ (11 рисунковъ). — Начало конца. — Гибель парохода „Титаникъ“ (5 рисунковъ, портр. и карта). — На новыя мѣста (16 рисунковъ). — Н. К. Пимоненко. — А. И. Косоротовъ. — Е. С. Буринскій. — Жертвы авіаціи (2 портрета).

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за Май 1912 г.; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Май 1912 г. съ 40 рис. и отдѣльн. листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 10 рис. выжиганія по дереву.